

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Р. Г. Буканова, А. Х. Султанов, Н. В. Ямалетдинова

**ГОРОД В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Монография

Уфа 2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Б 90

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических наук, доцент А. А. Удальцов (Санкт-Петербургский университет МВД России);
И. М. Гаскаров (Отдел полиции №3 Управления МВД России по г. Уфе).

Буканова, Р. Г.

Б 90 Город в общем контексте формирования стабильности современного российского государства (историко-правовое исследование) / Р. Г. Буканова, А. Х. Султанов, Н. В. Ямалетдинова. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2019. – 96 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7247-1015-2

В монографии рассмотрены основные этапы формирования и развития российских городов на фоне различных направлений деятельности государства по обеспечению задач внешней и внутренней политики.

Предназначена обучающимся в образовательных учреждениях системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7247-1015-2

© Буканова Р. Г., 2019
© Султанов А. Х., 2019
© Ямалетдинова Н. В., 2019
© Уфимский ЮИ МВД России, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ГОРОД В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ.....	5
§ 1. Город в русской истории.....	5
§ 2. Города-крепости XVI – XVII вв.....	14
§ 3. Город и его роль в становлении абсолютизма в России в XVIII в....	25
§ 4. Город в контексте буржуазных реформ XIX в.....	43
ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА В ИН- ДУСТРИАЛЬНЫЙ ГОРОД.....	59
§ 1. Формирование облика социалистического города в XX в.....	59
§ 2. Города России в XXI в.: историко-правовой аспект.....	69
ГЛАВА 3. ГОРОД И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ (МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ) В XXI В.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	87
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Город как специфически выраженная и оформленная структура человеческого общества традиционно являлся объектом исследования истории, социологии, философии и культурологи, экономики и других отраслей наук. Город, представляющий собой особое культурное, социальное, экономико-географическое пространство, не только выражает интересы городского сообщества, но и в значительной степени оказывает воздействие на население прилегающих территорий. В масштабах региона, области крупный, большой город, как правило, является культурной, экономической и политико-административной доминантой.

Феномен города, уникального социального, технологического и культурного явления в истории развития российской цивилизации, активно изучается представителями как естественных, так и гуманитарных наук. Если говорить об исследованиях в историко-правовом аспекте, то проблемы развития городов, особенности формирования системы управления и городского самоуправления, эволюция правового статуса российских городов, особенно на фоне процессов модернизации, изучены в неполной степени. Среди подобных исследований преобладают труды общего направления и очень мало работ, освещающих конкретные стороны процесса урбанизации, становления и развития тех или иных типов городов, проблемы, связанные с исследованием государственно-правовых факторов при определении основных общенациональных задач государства в России.

Актуальность указанных проблем обусловлена тем, что особенности становления и развития города, характерные для определенных этапов его развития, непосредственно связаны с цивилизационной средой. Русский город уникален. Он прошел особый путь развития, поглотив по мере инкорпорации российским государством новых территорий другие типы городской культуры. Этот процесс был тесно связан с формированием государственно-правовой системы, с укреплением и расширением государственной территории.

Говоря о первоначальном замысле исследования, следует сказать о том, что в работе впервые определены политико-правовые последствия естественного изменения структуры сельской и городской цивилизационной среды по мере поэтапного развития российской истории. Представляет особый интерес исследование основных этапов формирования и эволюции российских городов на фоне различных направлений деятельности государства по обеспечению задач внешней и внутренней политики.

В данной работе, кроме общих проблем города, авторы впервые в контексте российского городоведения рассматривают особенности становления и развития периферийных городов, характерные для территорий Центрального Черноземья, Поволжья, Урала, Северного Кавказа и Запад-

ной Сибири. Через локальные и совокупные характеристики признаков и функций русского города, выявления его исторической сущности как некоего элемента консолидации общества, представлена попытка применить более широкий подход к исследованию города как полифункционального социокультурного явления, тесно связанного с развитием локальных цивилизаций и общества в целом.

При изучении городов России исследователь сталкивается с большими трудностями, связанными с малочисленностью, недоступностью и слабой информативной ценностью источников, с одной стороны, множеством книг и статей как методологического, так и конкретно-исторического характера по проблемам города в целом, – с другой. В поисках решения поставленных задач автор может оказаться в плену либо европейских теорий, связанных с процессами урбанизации, а также социологических конструкций, не учитывающих особенности развития Российского государства, либо собственных умозрительных концептуальных построений, которые могут затмить культурно-цивилизационное содержание предмета исследования. Авторы данного исследования, опираясь на основополагающие методологические принципы историзма, научности и объективности, старались обратить внимание, как на позитивные, так и негативные моменты в процессе становления и развития российских городов. Это потребовало привлечения, наряду с научной литературой и материалами периодической печати, нормативных правовых актов и неопубликованных архивных документов. В частности, в работе использованы документы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ) и Государственного архива Оренбургской области (ГА ОО).

Следует при этом помнить, что во всем своем многообразии функций, общественно-политических, экономических и культурных связей, каждый город индивидуален и уникален. Он является порождением конкретного общества и тесно с ним взаимосвязан. Выявление непохожести и индивидуальности городов авторы рассматривают как одно из направлений исследования, отражающее непрерывный процесс развития науки.

ГЛАВА 1. ГОРОД В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

§ 1. Город в русской истории

Современная отечественная урбанистика, признающая многофакторный подход как методологическую основу исследовательского процесса, поставлена перед необходимостью переосмысления всего наследия, накопленного предшествующей наукой. В ряду проблем, имеющих первостепенное значение для понимания сущности и значения города в развитии

общества и государства, особое место занимают политико-правовые проблемы города. Это обусловлено стремительным возрастанием роли города в организации территорий и общества, так и его значением в формировании правосознания городской общины, в сохранении и развитии местных и общечеловеческих культурных традиций.

Сейчас все более очевидным становится то, что понятие город как особое социальное явление, прошедшее в своем развитии определенные стадии, вобравшее в себя и воспроизводящее исторический опыт и систему отношений определенного типа общества, можно, лишь установив общественно-историческую необходимость и характер его возникновения.

Общими признаками для всех городских поселений было их доминирующее положение на определенной территории, уже объединенной к моменту их возникновения как в политическом, так и в экономическом и социокультурном отношениях. Поэтому естественным образом города становились обладателями административной, судебной, оборонительной функций, центрами духовной жизни.

Наиболее оживленной была жизнь в тех городах, которые располагались на торговых путях, особенно водных артериях, связывающих город с другими землями и странами. Эти города были открыты для поселения в них динамичных, получивших вслед за Л. Н. Гумилевым, определение «пассионарных личностей», что не зависело от их этнической и религиозной принадлежности. Города же, находившиеся в стороне от главных торговых путей, но объединяющие богатые земледельческие районы, были ориентированы на внутреннюю торговлю и выполнение административных и судебных функций местного значения, отличались более традиционным, устойчивым укладом жизни.

История Российского государства всегда воспринималась в непрерывной связи с восприятием города как носителя цивилизационных основ экономической, политической, социальной и культурной жизни подданных. На Руси процесс формирования городов можно отнести к IX–X вв., что шло параллельно с созданием древнерусской государственности. В указанный период возникли Киев, Смоленск, Новгород, Псков и другие древние города на Руси. По подсчетам профессора Б. Б. Веселовского к XI в. на территории Киевской Руси насчитывалось 86 городов, а в XII в. – 120 городов. Большая часть из них представляла собою небольшие городские поселения. Число жителей Киева составляло 30 – 40 тысяч человек. Города Киевской Руси являлись центрами общественной жизни и служили политической основой государства. Территория таких городов была разделена на две части: крепость, укрепленную городской стеной, и посад, в котором располагались рыночная площадь и различные постройки жителей. В отдельных русских городах имелись отдельные элементы городского хозяйства.

Постепенно формировалось типичное для многих поселений городское пространство, развивалась городская инфраструктура. Следует отметить, что в Новгороде уже в XI в. имелся первый в Европе водопровод. Во многих городах строились мосты, обустраивались деревянные мостовые, административные здания. Городской доминантой являлись православные храмы. Рост городов в политическом плане сопровождался обособлением и суверенизацией города с прилегающей «земской» территорией.

Так, представитель историко-юридической школы отечественной историографии Д. Я. Самоквасов был убежден в более раннем, чем было принято считать, возникновении городов в Восточной Европе. Касаясь вопроса о времени первоначального возникновения древнерусских городов, он сообщает о существовании множества городов у восточных славян задолго до времени призвания Рюрика и на этом факте считает необходимым обосновывать понятие о гражданственности «первобытных россиян»¹.

Тяжёлый удар по русским городам нанесло татаро-монгольское нашествие. Если по летописям в домонгольской Руси насчитывалось до 350 городов, то большинство из них были разрушены и пришли в упадок. Многие древние города вообще прекратили существование. Вместе с тем, в процессе постепенного освобождения от захватчиков в XIII–XIV вв. в северо-восточной Руси начинается возрождение городов. В это время возвышаются и получают дальнейшее развитие Москва, Тверь, Рязань. Указанные центры не представляли собой крупные центры и были сродни средневековым городам центральной и Западной Европы. В отличие от западноевропейских городов для них была характерна большая обособленность и территориальная удалённость друг от друга. Золотоордынское влияние сказалось на том, что для них было характерно преобладание военно-административных функций в управлении городом, сильная княжеская власть, слабая роль торгово-ремесленного сословия в жизни города, что порождало самобытные формы управления и самоуправления. Чрезмерное усиление княжеской власти в «монгольский» период отечественной истории привело к тому, что все население оказалось в той или иной в служебной зависимости от этой власти, сохраняя при этом традиционные черты общинного строя. И если в сельской местности власти приходилось иметь дело с миром самоуправляющихся крестьянских общин, то в городах, особенно в городах-крепостях, постепенно увеличивалась численность военно-служилого сословия и усиливалась его доминирующая роль в жизни города – в исторической литературе для обозначения такого явления применяется термин «служилый город».

Характер управления городами в основном отражал и являлся, можно сказать, моделью управления в централизованном государстве, которое

¹ Самоквасов Д. Я. Древние города России / Историко-юридическое исследование. – СПб. : Тип. Замысловского, 1873. – С. 2.

в основных чертах формируется в конце XV века. В руках наместников и волостелей сосредотачивались не только судебные, но и хозяйственно-административные, полицейские, военные и функции.

В исторической литературе выделяется несколько путей формирования города. В основном, можно выделить четыре возможных варианта:

1. Наиболее распространенным подходом, особенно популярным в период господства формационного подхода к анализу исторических явлений, было утверждение о том, что города возникали по мере отделения ремесла от земледелия. Это, в свою очередь, предполагало развитие обменной торговли, появление отдельных социальных групп – горожан, занимающихся особой самостоятельной формой производства и свободных от земледельческого труда. Став центрами ремесла и торговли, такие города как бы «притягивали» к себе сельскую округу и постепенно экономически и политически подчиняли ее себе. Однако эта схема учитывает лишь экономические факторы, без учета участия государства или других внешних факторов. Она применима лишь к тем случаям, когда действительно ремесло и торговля могли достичь того уровня, чтобы быть сконцентрированными в городах. Возникала самостоятельная городская община, а земледельческое население, вынужденное заниматься только сельскохозяйственным производством, оказывалось в зависимости от городских ремесленников. В этой теории происхождения города изначально было заложено некое противоречие между городом и деревней, между городским и сельским населением. Само название – «город» – от слова «град», «ограда», являлось дополнительным аргументом в пользу этой теории: городская территория, главным образом кремль (детинец), была надежно защищена городскими стенами от внешнего мира.

2. Другой путь, когда города возникли на месте общих вечевых и культовых племенных центров. Выросшие из патриархальной среды такие города, очевидно, в большей степени зависели от традиций и уклада жизни населения прилегающей территории. Именно такие центры стали основой многих древних городов. Некоторые из них исчезли вместе с племенами, создавшими их, и лишь остатки многочисленных городищ на огромных просторах Евразии напоминают о былых временах и народах. Однако именно такие города оказывались более жизнестойкими, возрождаясь вновь и вновь на одном и том же месте. Они имели сакраментальное значение для коренных жителей городской округи, гармонично вписывались в сельскую среду и являлись настоящими географическими, общественными, духовными и торговыми центрами, объединяющими и организующими территорию того или иного этноса. Эти города не нуждались в мощных крепостных укреплениях – они находились под надежной защитой всего земледельческого населения. Впоследствии по мере освоения Российским государством новых территорий на месте таких племенных центров были построены русские крепости.

3. Иногда небольшие городки вырастали из поселений и усадеб местной земледельческой аристократии. Заселенные дворовой челядью, ремесленниками и торговцами, они, главным образом, выполняли вполне конкретные задачи, обеспечивающие спокойную и богатую жизнь его хозяев. Это были княжеские или ханские ставки раннего средневековья (в Европе – укрепленные замки вельмож) или частновладельческие городки купцов и предпринимателей более позднего времени. Так, к последним можно отнести строгановские городки на Среднем Урале, Гурьев городок, построенный купцами Гурьевыми в устье р. Яик и другие. Такие городки на Руси возникали не стихийно, а, как правило, с ведома и прямого поощрения царской администрации на давно обжитых и экономически выгодных для их основателей и для государства землях. Они, как внедренные извне, нуждались в защите от окрестного населения, к чему привлекались наемники или государственные воинские люди. Однако постепенно, по мере увеличения населения и расширения функций, они становились частью окружающей территории, интегрировались в нее, одновременно оставаясь в прямой зависимости от государства.

4. Большая часть городов на территории нашей страны выросла из крепостей и укрепленных поселений, выполнявших первоначально оборонительные или наступательные функции. Крепости строились по мере присоединения новых земель и расширения государственной территории либо на месте прежде существовавших городов, либо на новом месте на стратегически важных участках пограничья. Предпочтение отдавалось возвышенным местам вдоль берегов больших рек. Однако не все крепости превращались в города, если не было к тому объективных условий. В связи с многозначностью функций и неопределенностью их статуса применительно к таким городским поселениям XVI–XVIII вв. мы используем понятие «город-крепость». В частности, авторы данной книги рассматривают понятие «город-крепость» как один из исходных пунктов градообразования, зародышевое состояние большинства современных городов на евразийском пространстве, возникновение и развитие которых непосредственно было связано с историей России.

Постановка и исследование городов-крепостей представляет большую сложность. Прежде всего, потому, что понятия «крепость» и «город-крепость» в отечественной историографии хотя и употреблялись, но были лишены самостоятельного значения. Одними исследователями все крепости XVI–XVIII вв. – в соответствии с официальной терминологией того времени – были отнесены к городам. Другие же под крепостью понимали только укрепленную часть поселения (детинец, замок). И в том, и в другом случае наблюдалась явная недооценка роли и значения городов-крепостей в политической и социально-экономической истории России. Между тем, именно города-крепости являлись исходной формой в процессе становления большинства городов на русских окраинах, в частности, на территории

Поволжья, Урала, Северного Кавказа и Западной Сибири. Однако это не значит, что на этих территориях прежде, до появления русских городов-крепостей, не было более древних городов и городских поселений.

Большинство крепостей, возникших на окраинах Российского государства в XVI–XVIII вв., первоначально весьма отдаленно напоминали собой городское поселение: кроме наличия стен и рвов практически отсутствовали другие градообразующие элементы. Следовательно, важно не только выявить общую тенденцию развития городов-крепостей, но и определить тот рубеж, когда количественные характеристики могли перерасти в качественные, попытаться проследить процесс превращения крепости в город. Понятие «город-крепость» применим ко времени с конца XVI века – до третьей четверти XVIII века, когда в ходе реформ Екатерины II законодательно был определен статус города, упорядочена иерархия городов и городских поселений в стране, что привело к коренному изменению облика многих городов. Хотя некоторые города, например, Оренбург, до середины XIX в. официально сохраняли статус крепости. Применительно к XIX в. можно говорить о формировании типичных черт русских городов, которые к XX в. обрели структурное единство.

Исходя из вышесказанного, возникает необходимость обратиться к вопросу о происхождении и содержании понятия «город». Рассмотреть данный вопрос не с позиции юридических, социологических и общесторических концепций, а исходя из духовно-исторического содержания русской истории. В оценке социально-экономических и политических явлений русской истории длительное время наша отечественная историография находилась в плену европоцентристских представлений. В частности, она исходила из того, что развитие русских городов подчинялось тем же закономерностям, что и западноевропейские города. Однако очень сложно создать обобщенный образ русского докапиталистического города, который бы полностью соответствовал западноевропейским стандартам. У самих же европейцев было весьма скептическое представление о русских городах. Например, о городах-крепостях петровской и постпетровской эпохи О. Шпенглер писал: «В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чуждого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути»¹.

Если в оценке городских поселений XIX–XX вв. исследователи более или менее единодушны, то вопросы, касающиеся ранних этапов становления российских городов, вызывают массу споров. Главным образом, это обусловлено тем, что не только по происхождению, но и по типу русский город XVI–XVIII вв. неоднозначен. Наряду с крупными торговыми промышленными поселениями со всеми атрибутами настоящего города (с

¹ Самосознание европейской культуры. М. : Политиздат, 1991. С. 30.

городской инфраструктурой, экономическим укладом, культурными традициями и городской общиной) существовали разнообразные промежуточные типы городских поселений, называемые в источниках «острогами», «городками», «пригородами», «городами», но совершенно отличающиеся по своим функциональным признакам. Следует отметить и наличие в России XVI–XVII вв. частновладельческих городков, таких как Гурьев, Тихвин, Орел, Верхние и Нижние Чусовские и другие, построенные русскими купцами и промышленниками, которые первоначально были временным местом организации промысловой или горнодобывающей деятельности, а затем превратились в постоянные поселения.

В литературе можно встретить разное толкование термина «город» в зависимости от этимологии данного слова, функций городского поселения, эпохи, определяющей историческую особенность или изменчивость общественных (социальных) систем. Однако с социологической точки зрения общим для толкования различных по характеру дефиниций «города» является, по словам немецкого ученого М. Вебера, признание того, что город представляет собой замкнутое или относительно замкнутое поселение, состоящее из множества тесно расположенных на ограниченной территории домов. Вместе с тем, М. Вебер считал, что называть все поселения такого рода «городами» также нецелесообразно. Он рассматривал город как особое экономическое (наличие рынка, ремесленного производства), социальное (городская община, ремесленные цехи, гильдии купцов) и политическое (власть, администрация, суд и т. д.) образование¹.

Соотечественник Вебера О. Шпенглер также утверждал, что даже очень большие поселения могут не являться, тем не менее, городами. Он вводит абстрактное понятие «душа города», а ее рождение он связывает с возникновением единого целого из «стоящих друг подле друга деревенских усадеб», что приводит к изменению образа самого города, который приобретает «предметное единство языка форм и истории стиля...». Противоположность между городом и деревней в отличие от К. Маркса и Ф. Энгельса он объясняет не экономическими категориями, а философией города, переходом общества к новой стадии культуры, когда «народы, государства, политика и религия, все искусства, все науки покоятся на единственном прафеномене человеческого существования, на городе». Город, все более обособляясь от земли, сам начинает определять «ход и смысл высшей истории». «Всемирная история – это городская история», – пишет О. Шпенглер².

¹ Вебер М.. История хозяйства. Город. М. : Канон-Пресс-Ц. Кучково поле, 2001. С. 14.

² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – С. 97.

Подобные примеры европоцентристских подходов к определению города отражали общественное сознание современников М. Вебера и О. Шпенглера. Эти две точки зрения характеризуют, на наш взгляд, два полярных подхода к пониманию сущности города. С одной стороны, это – естественное и традиционное восприятие европейцами города, как некоей субстанции экономического и социального порядка, наиболее приемлемой и целесообразной среды обитания. С другой – продемонстрированное Шпенглером осмысление сущности и философии города на ментальном, провиденциальном уровне. Ожидание конца привычной городской цивилизации, который должен завершиться возникновением так называемого «мирового города», принадлежащего не народу, а массе; отвергающего традиции и культуру, знаменующего «некую исключительно новую, позднюю и бесперспективную, но вместе с тем и неизбежную форму человеческой экзистенции»¹. В этих теориях не нашлось места русскому городу, который Шпенглером, как было сказано выше, воспринимался как искусственное и чуждое для России явление, а Вебер даже Москву первой половины XIX в. отнес к разряду «вотчинных городов», экономическое развитие которых было непосредственно связано лишь с удовлетворением рынком потребностей княжеского двора и его вассалов.

Следует отметить, что дореволюционные исследователи обратили внимание на проблемы, связанные с особенностями городской и сельской жизни в России применительно к степени готовности к нововведениям, восприятию иноземного влияния. С. М. Соловьев отмечал: «Такова обыкновенно бывает жизнь сельского народонаселения, которое потому так упорно держится старого, так тяжело на подъем: здесь все новое, каждое изменение является чем-то страшным, враждебным, греховным, является произведением высших, таинственных и враждебных сил. В обществе развитом начало движения представляется городом: здесь человек беспрерывно сталкивается с новыми людьми, с новыми родами деятельности, чрез это горизонт его расширяется, он привыкает к перемене, перестает бояться новизны и начинает упражнять свои духовные силы, выказывать свое господство над веществом, изменяя его, выказывать свое господство над силами природы, заставляя их служить себе, тогда как в сельской жизни, в занятиях земледельческих человек особенно чувствует могущество сил природы, находится под их влиянием»².

После подобной констатации выдающийся российский историк сделал существенный вывод о различии российской и западноевропейской моделей влияния городской цивилизации на общий ход развития государственности. С. М. Соловьев отмечал: «но в Московском государстве город не мог иметь такого значения, какое он имел в Западной Европе, не мог

¹ Там же. С. 166.

² Соловьев. С. М. Сочинения. – В 18 кн. – Кн. VI. – Т. 11–12. – История России с древнейших времен. – М. : Мысль, 1991. – С. 194.

представлять в такой степени начала движения, развития. Московское государство было государство сельское в противоположность западным поморским государствам, государствам городским по преимуществу; в нем город был большое огороженное село, и земледелие принадлежало к числу занятий городских жителей; промышленность мануфактурная была на низкой ступени развития, торговля очень слаба: мы видели, как русские купцы объявляли, что им не стянуть с иностранными, которые и богаче и ловчее их, умеют действовать вместе, заодно»¹. Из этого фрагмента видно, что город фактически был порождением и отражением фактически общественно-политической системы, сложившейся на Руси.

История ранних городов теснейшим образом связана с проблемой государственности. Однако господствующее прежде в советской историографии мнение об отсталости населения российских окраин до вхождения их в состав России не позволяло ставить и комплексно решать вопросы об общественно-политических институтах, городах и государствах (ханствах и каганатах) на территории СССР. Это относится не только к истории национальных регионов, но и в целом к российской истории. Так, в историко-археологической литературе советского времени наблюдалась, по мнению П. П. Толочко, парадоксальная ситуация: принимая тезис о возникновении русской государственности в VIII – начале IX в., исследователи не решались говорить о древнерусском городе раньше конца IX–X вв.²

П. П. Толочко пишет: «Государство – не абстракция. Этот институт состоял из многих структур, из которых важнейший был город. Признавая существование одного явления, мы тем самым (по логике системности) должны признать и существование другого»³. Образование первых больших поселений многие ученые рассматривали в контексте политической организации общества. «...Вероятно, за пределами десятка-двух тысяч лет назад создалась... возможность образования больших поселений (городов и сел), а следовательно, возможность образования государственных структур...», – писал В. И. Вернадский⁴. Санкт-Петербургские ученые И. Я. Фроянов и А. Ю. Дворниченко в своем исследовании, посвященном городам-государствам Древней Руси, отмечали, что город появляется в переходный период от доклассового общества к классовому, а города-государства как универсальная форма государства встречаются едва ли не повсюду, в том числе и в обществах с незавершенным процессом классового образования⁵. Во-

¹ Там же.

² Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. Киев : Наук. думка, 1989. С. 38.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М. : АСТ, 1991. С. 34.

⁵ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. : ЛГУ, 1988. С. 18–19.

обще, наличие города в Древности и Средневековье имело исключительное значение для политической организации территорий и консолидации общества, городам также принадлежала огромная роль в формировании и развитии местных и общечеловеческих культурных традиций. В этом смысле слову город в древнерусских памятниках соответствовали понятия земли и волости, уезда, княжества и государства. Так, сравнение текстов русских летописей показывает, что в одних летописях уделы, которые Рюрик раздавал своим дружинникам, называются городами, в других – волостями. В период феодальной раздробленности все княжества были тождественны городам – княжеским центрам, и позже города олицетворяли государство: Москва, Казань, Астрахань и другие. Города при Петре I не только вписались, но и превратились в составную часть государственной системы: города в одних местах России создавались, в других – упразднялись в процессе бюрократизации аппарата управления и необходимости расширения и укрепления власти царской администрации в разных частях государства.

Таким образом, роль города в становлении политической системы государства неопределима. Как только возникал город, соединяющий несколько родов в один союз, то возникала и публичная власть в юридическом смысле. Это было отмечено еще в дореволюционной историографии. Народ, поднявшийся на качественно новую ступень городской жизни, обретал высшие формы политической организации, писал Д. Я. Самоквасов: «С появлением городов у данного народа появляется общественная власть с новым характером: прежние властители родовых союзов, господствовавшие над ними по праву старейшинства, уступают верховное главенство в общественных союзах лицам, получающим это главенство не по праву рождения, а по иным началам»¹. Следовательно, появление городов и городских общин у того или иного народа является переходной эпохой его политического развития из родового строя в государственный.

§ 2. Города-крепости XVI–XVII вв.

Если обратиться к дореволюционной истории, то города России прошли сложный и своеобразный путь развития. Естественный процесс градообразования на Руси был прерван нашествием монголо-татар, когда часть городов была разрушена, а часть была включена в государственно-административную систему Золотой Орды. Такие торговые центры, как Тверь, тесно связанные с Новгородом, были покорены московскими князьями, вассалами золотоордынских ханов. В городах, которые рассматривались как вотчины Великого князя, олицетворявшего собой государственную власть, был установлен жесткий контроль над торгово-ремесленным населением. Оно практически было лишено каких-либо гражданских прав

¹ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. 126–128.

и впоследствии, вслед за крестьянами, попало в крепостное состояние. Городской житель, живший на государственной земле и несший государственные повинности, с XVII века стал называться «посадским» человеком, то есть «посаженым» на городскую землю. Посадские люди, живущие на посаде – торгово-ремесленной части города – и по Соборному Уложению 1649 г., окончательно закрепившему их сословное положение, не могли его покинуть. Но и стать настоящими горожанами, объединенными в городскую общину, формирующую социальный облик города и способную защитить корпоративные интересы торгово-ремесленного населения, посадские люди не могли. Кроме полной зависимости от государства, они и в экономическом плане были не в состоянии конкурировать с жителями «белых слобод», принадлежавшими светской и церковной аристократии и обладавшими особым статусом в городах. Безусловно, все это сдерживало свободное развитие городов и городской общины.

Авторы А. К. Семенов и Н. А. Сулова, статья которых посвящена сравнительному анализу деятельности городского самоуправления на региональном и межрегиональном уровнях, считают, что проблему формирования городского самоуправления нельзя рассматривать унифицировано из-за значительных исторических и социально-экономических различий между российскими регионами. Сложившаяся разница в самоуправлении городов, по их мнению, обусловлена исторически. В частности, многие города возникли в XVII в. «как укрепленные поселения Московско-Рязанской, Белгородской, Козловской и Тамбовской оборонительных черт, в начале XVIII в. вошли в состав Азовской (позднее – Воронежской губерний, а к концу XVIII в. стали градообразующей основой самой крупной из земледельческих – Тамбовской губернии»¹.

Можно к этому добавить, что уже потом, по мере интенсивного заселения прилегающих к ним территорий, также осуществляемого под контролем государства, изменения хозяйственного уклада жизни всей страны, из военных крепостей они превратились в экономические центры огромных прилегающих территорий, сохранив при этом консервативные черты, родовые отметины бывших городов-крепостей, полностью зависимых от воли государя и центра. В настоящее время эти города являются крупнейшими городами-миллионерами, как правило, областными центрами, проводниками и опорой центральной власти в решении политико-административных функций в регионах. Не случайно центр, опасаясь утраты контроля над регионами, не заинтересован в свободных выборах мэров городов.

В целом, рассматриваемый нами период характеризуется стремительным расширением государственной территории. В ходе завоевания

¹ Семенов А. К., Сулова Н. А. Самоуправление в городах центрального Черноземья в конце XVIII – начале XIX в. // Вопросы истории. 2011. – №1. – С. 150–154.

или применения других способов обретения новых территорий само возникновение нового города зависело от воли монарха: в XVI–XVIII вв. многие русские города появились по прямому указу царя как военные крепости. Так, при Федоре Иоанновиче в 1586 году одновременно были заложены города-крепости Воронеж, Самара, Уфа и Тюмень, которые стали своего рода обозначением пограничной территории Московского государства, символом утверждения царской власти. Несмотря на то, что они, в основном, были расположены на пересечении древних транспортных путей, основную роль в их последующем развитии сыграло преобладание военно-административных функций, что в значительной степени сдерживало развитие городской общины и городского самоуправления.

Как отмечается в статье исследователя истории городской архитектуры А. Г. Мазаева, государство нередко выступало либо как заказчик новых городов, либо как заказчик новых заводов, вокруг которых начинали возникать новые города»¹. Города превращались в политический инструмент закрепления новых земель в составе Российского государства. Южные, восточные и юго-восточные окраины Московского государства заселялись при посредстве городов и городков. Причем, там, где прежде не было славянского населения, сначала появлялся город. Следует отметить неравномерное развитие городской системы в России. Причинами, на наш взгляд, являются обширность, географическое, этнокультурное и общественно-политическое многообразие территории страны, господство на протяжении многих столетий традиционного аграрного уклада жизни, прямое государственное вмешательство в процесс урбанизации.

В плане истории отечественной урбанизации (для ранних этапов доиндустриального развития страны мы применяем термины «градообразование», «городаведение») наиболее полно изучено освоение Московским государством территории Центрально-Черноземного района – так называемого Дикого поля к югу от Большой засечной черты. Свободная колонизация этих земель русским народом сама по себе не обеспечивала формирование политико-правового статуса осваиваемой территории. Так, например, поселения донских казаков не попадали под юрисдикцию России. Только строительство городов-крепостей на пограничных землях могло противодействовать внешней угрозе и упорядочить переселенческий поток за пределы страны. Посредством городов московское правительство заселяло безлюдные степи юга и юго-востока. В 1586 г. построены Ливны и Воронеж; в 1593 г. построены Белгород, Оскол и Валуйки; в первой половине XVII столетия основаны еще десятки городов-крепостей, защищенных на подступах к ним различными фортификационными сооружениями: земляными валами, засеками, стоялыми и жилыми острогами, сторожами и

¹ Мазаев А. Г. Роль процесса градообразования в развитии национальной системы расселения Российской Федерации // Академический вестник УралНИИпроект РАН. АСН. 2017. – № 4. – С.19.

станциями. «Каждый шаг в расширении государственных границ сопровождался построением городов, – пишет Д. Я. Самоквасов, – Воздвигая города, правительство принимало важные меры в предупреждении внезапных нападений неприятеля на новые поселения... Благодаря таким предохранительным мерам правительства, в 20-х годах XVII столетия около Воронежа, Ливень, Оскола и Белгорода стали мало-помалу возникать сельские поселения, которые теснились к городам как можно ближе, чтобы в случае внезапного нападения врага можно было с женами, детьми и имуществом укрыться в стенах города»¹. Таким образом, города-крепости в российской истории на ранней стадии развития выполняли универсальные функции, способствуя включению новых территорий в единое правовое поле России.

Если продолжить сравнения с западноевропейской моделью развития, период феодализма продлился в России достаточно долго, а эпоха возрождения не получила в нашей стране классического оформления. Следует отметить: несмотря на то, что отдельные города стали приобретать ярко выраженные черты торгово-хозяйственных центров регионов, феодализм оставался основой общественных отношений, а крестьянский уклад был доминирующим. В этом плане города длительное время не играли доминантную роль в развитии общества. На территории России они были небольшими островками на бескрайних просторах. Подавляющая часть населения проживала в деревнях и не испытывала потребностей в городе, как источнике товаров и ресурсов. Однако, на рубеже XVII–XVIII вв. положение изменилось, и роль городов стала возрастать. Этот процесс во многом соответствовал укреплению Российской государственности при Петре I.

Возникновение городов-крепостей, последовательное изменение их статуса олицетворяли собой определенные этапы государственной политики России не только области градостроительства, но в освоении и институционализации новых территорий. Формирование сети городов осуществлялось непосредственно в ходе присоединения этих земель к Российскому государству. Если первые крепости закладывались одновременно с присоединением новых территорий и народов, признавших российское подданство, то в последующем большая часть укрепленных городов-крепостей возникла в ходе создания цепи оборонительных линий против внешних врагов, подавления сопротивления местного населения или, в меньшей степени, в процессе экономического освоения природных богатств вновь присоединенной территории.

В 30–50-х гг. XVII в. основное внимание московского правительства было сосредоточено на строительстве непрерывной цепи оборонительных линий: Белгородской черты (1635–1658 гг.), Тамбовского вала, Симбирской черты (1648–1654), Закамской черты (1652–1655 гг.). Они стали пред-

¹ Самоквасов Д. Я. Указ. соч. С. 149–150.

ставлять собой своеобразный русский фронтир, разделивший наиболее освоенные русским населением в земледельческом отношении южные и юго-восточные окраины Российского государства от иноязычного окружения. На укрепленных линиях появились десятки городов-крепостей.

Логика перехода от строительства отдельных крепостей к строительству укрепленных линий хорошо иллюстрируется на примере освоения территории Уфимского уезда, образованного на территории Башкирии после основания Уфимской крепости. Так, к востоку от реки Волга в середине 40-х годов XVII в. на левобережье р. Камы в Уфимском уезде сначала были построены отдельно стоявшие крепости: Шешминск, Чалнинский городок и Мензелинск. В ходе строительства Закамской черты южнее указанных крепостей в восточном направлении от Волги были построены крепости Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, стоялый острог Кичуев, Заинск, а также частично была перестроена и включена в Закамскую черту Мензелинская крепость.

Во второй половине XVII в. вновь применяется тактика точечной застройки крепостей. Южнее Закамской черты еще не было русских городов, имелись лишь дворцовые села – возникновение сел, обслуживающих царский дворец, не вызывало сопротивления со стороны добровольно принявших российское подданство башкир. Нарушение политических и имущественных прав башкир, как правило, в ходе строительства крепостей и заводов, приводило к крупным вооруженным восстаниям. После подавления башкирского восстания 1662–1664 гг. на месте запустевшего дворцового села Архангельского в 1667 г. был построен укрепленный Бирский городок. К XVII в. относится появление на Южном Урале первого русского поселения, основанного в связи с разработкой природных ресурсов. В 1684 г. на соляных месторождениях, принадлежащих башкирам Кесе-Табынской волости, с их согласия был построен Соловарный городок, заселенный стрельцами, который вскоре был оставлен, а его жители переведены на поселение в Уфу. Эти городки XVII в., хотя и были заселены военно-служилым населением, были ориентированы в основном на освоение природных богатств края.

Говоря о влиянии города в контексте развития российской государственности, следует отметить отдельные проблемы, обусловленные односторонней оценкой значения русского города для цивилизационного развития окраин. В этом смысле приходится говорить о взаимоотношении таких категорий: город как военная крепость, город как административный центр, город как социокультурное явление. Речь идет о том, что указанные проблемы невозможно воспринимать вне рамок исследования последствий болезненного процесса ломки традиционного уклада жизни и быта аборигенного населения, изменений в сфере их духовной культуры.

История градостроительной политики на территории Башкирии представляет особый интерес в связи с тем, что политико-правовой статус

Башкирии в составе России разительно отличался от положения других регионов.

Прежде следует заметить, что в раннем Средневековье Башкирия вместе с Западной Сибирью, Великой Пермией и Вяткой представляла собой единое географическое пространство, соединяющее Восточную Европу с Азией. Именно через это пространство проходили маршруты арабских и персидских купцов и путешественников на север и северо-запад. Через него шла торговля новгородских купцов со странами Сибири, Средней и Юго-Восточной Азии. Поэтому здесь издревле существовали города, в которых городской доминантой был рынок. В золотоордынскую эпоху изменились маршруты торговых караванов, которые прошли южнее, через низовья Яика и Волги. Города лесостепной зоны, а также города бывшей Волжской Булгарии пришли в упадок, но возвысились Сарайчик, Сарай-Бату, Сарай-Берке, Астрахань и другие города Нижнего Поволжья¹. Несмотря на это, некоторые города на территории Башкортостана, включая средневековую Уфу, продолжали функционировать. Их можно представить, по выражению Вебера, как «вотчинные» города, однако европейцы, которые время от времени посещали этот забытый край, городами их не считали².

Говоря о древних и средневековых городах на территории Башкортостана, надо принять во внимание то обстоятельство, что по причине географического положения края и частой смены политической ситуации в регионе они не стали определяющими факторами в экономической и политической жизни башкирского общества. Изучение начальных этапов в становлении городов в Башкирии затрудняется также тем, что в орбите российской политики и в поле зрения первых российских историографов Башкирия оказалась лишь после падения Казани и Астрахани. А до того, ввиду ее географического положения как внутренней области Золотой Орды, о ней как в русских, так и европейских источниках почти не упоминалось. Тем не менее в раннем и средневековом Башкортостане города были, вокруг них происходил процесс территориальной, экономической и этнической консолидации.

Остатки древних городов на территории расселения башкир изучены недостаточно. Хотя в результате археологических исследований на Южном Урале, проводившихся в 50–60-х гг. прошлого столетия, ведущими археологами нашей страны было установлено, что археологические памятники Южного Урала «представляют культурное наследие башкирского народа, доставшееся ему от предков и древних обитателей края»³. Еще в

¹ Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа : Китап, 2010. С. 20–26.

² Буканова Р. Г. Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Иоганки // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 3 (49). – С. 13–15.

³ Археологическая карта Башкирии. М. : Изд-во «Наука», 1976.

XII веке арабский географ Идриси в стране башкир зафиксировал города домонгольской эпохи: Мастра, Каракыйя, Гурхан и Немджан с развитой торговлей, ремеслом и металлургией. Имеются неопровержимые свидетельства о существовании древнего города на территории современной Уфы под названием Башкорт – «Pascherti», Паскертти. Он изображен на средневековых картах западноевропейских картографов: на карте, составленной в 1367 г. итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани, а также в атласе фламандского картографа Герарда Меркатора¹. Русский картограф Ф. К. Брун, изучавший карты XIV в., этот город связывал с башкирами². В советский период эти карты были подробно исследованы известным археологом В. Л. Егоровым, который считал, что названия города «Паскертти», «Пашертти» происходят от этнонима «башкорт»³. В настоящее время это подтверждено археологическими исследованиями городища «Уфа-II». По утверждению археолога Н. А. Мажитова, на месте городища «Уфа-II», расположенного в историческом центре современной Уфы, и находился средневековый город Башкорт⁴.

Однако, в результате длительного пребывания Башкирии в составе паразитической социально-экономической системы Золотой Орды, где экономическая функция города была ограничена только торговлей и обеспечением таможенных сборов, местные городские центры, отдаленные от торговых магистралей, не развивались. Поэтому ко времени же вхождения башкир в состав России Уфа предстает как мирное поселение, которое, как ни странно, кроме своего географического положения, внешне ничем от остальных центров башкирских волостей не выделялось, хотя и продолжало оставаться главным политическим центром края, куда съезжались представители всех волостей для решения вопросов войны и мира.

Если обратимся к проблеме укрепления государственной власти в Сибири, то следует подчеркнуть, что указанный процесс начался сразу после падения Сибирского ханства. Он сопровождался строительством городов-крепостей – опорных пунктов русской администрации в крае. При этом русские города-крепости на территории Западной Сибири создавались на месте древних и средневековых городов или вблизи их развалин. В частности, исследователь истории западносибирских городов Л. Р. Кызла-

¹ Псянчин А. В. Альбом карт. // Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах. История географического изучения и картографирования. – Уфа : Китап, 2001. – Приложение / Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. – Сокровища древней Уфы. – С. 31.

² Брун Ф. К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. // Записки Новороссийского университета. – Т. 9. – Одесса, 1873.

³ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. С. 130–131.

⁴ Мажитов Н. А., Сунгатов Ф. А., Султанова А. Н. Средневековый город Башкорт (Уфа) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2007. – Т. 12. – № 3. – С. 39–44.

сов обращает внимание на тот факт, что на месте выгодно расположенных в стратегическом плане старых крепостей Чингиден и Сибирь, принадлежавших аборигенному населению Сибири, в конце XII и XIII вв. были сооружены татарские города Чимги-Тура и Кашлык (Искер), а в 1586 г. на руинах города Чимги-Тура была построена русская крепость Тюмень.

Одновременно идет процесс, когда один за другим возникают другие сибирские города-крепости: в 1587 г. – Тобольск; в 1590 г. – Лозвинский острог; в 1593 г. – Березов, Пелым, Сургут; в 1594 г. – Тара; в 1595 г. – Обдорск и другие. Все они возникали на месте прежних сибирских городов, где проживало аборигенное население. Издревле города и поселки возникали в местах, благоприятных для поселения человека. При этом «особым спросом» пользовались открытые, проветриваемые со всех сторон, высокие, естественным образом укрепленные места, расположенные вдоль речных долин. Такие места предпочитали коренные жители Сибири для строительства оборонительных крепостей и городов. В этих же местах основывали свои города и пришлое население.¹ Подобная традиция сохранилась в Сибири и в XVII в.

Об этом свидетельствует следующий факт. В 1639 г. на месте городища Явла-Тура был основан Ялуторовский острог, переименованный в 1782 г. в окружной город Тобольской губернии². Известный специалист по истории городов Среднего Урала в эпоху феодализма В. А. Оборин подчеркивал, что многие русские города Урала возникали на месте древних укрепленных центров местного населения или рядом с ними, с сохранением подчас их названий. Подобное явление он объяснял удобным географическим расположением указанных центров, а также исходя из интересов торговли и сбора налогов с местного населения. Вместе с тем не упускалась из виду и стратегическая задача, связанная с необходимостью значительного умаления племенных и религиозных центров для местного населения и их постепенным превращением в опорные пункты российской колонизационной политики³.

Необходимо отметить, что основание первой на территории Башкирии Уфимской крепости в 1586 г. было также непосредственно связано с событиями в Западной Сибири. Речь шла о том, чтобы не допустить бегства Кучума, последнего правителя Сибирского ханства на территорию Башкирии. В исторических источниках отмечается следующее: «А на Уфе, на белой Воложке, государь велел город поставить для того, что беглой ис

¹ Кызласов Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 59.

² Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 71.

³ Оборин В. А. Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV-XVII вв. (на примере Урала) // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. – Томск, 1978. – С. 126.

Сибири Кучум царь, пришедъ в государеву отчину в Казанский уезд в башкирды учал кочевать и ясак с государевых людей з башкирдцов начал было имать». Так раскрывается основная причина, по которой власти пришли к необходимости строительства г. Уфы¹. Следует признать, что подобные действия властей носили в определенной степени оправданный характер. Указанные события происходят непосредственно после разгрома Сибирского ханства, когда существовала реальная угроза появления сибирского хана Кучума в Башкирии. Власти не сбрасывали со счетов и тот очевидный факт, что хан Кучум в восприятии башкир был одним из легитимных престолонаследников золотоордынских правителей. Об этом косвенно свидетельствуют башкирские шежере (источники местного происхождения), где Кучум-хан назван одним из братьев башкирских правителей Тура-хана и Басман-хана.

Таким образом, новые русские города-крепости на юге, юго-востоке и в Западной Сибири появились не только в силу стратегического планирования московского правительства, но и охватили собой один исторический период. Доказательством этому является тот очевидный факт, что ставшие теперь главными военные центры на малоосвоенных окраинах России – Воронеж, Самара, Уфа, Тюмень – были построены в 1586 г., в значительной степени это было предопределено активизацией градостроительной политики при Борисе Годунове. Известно, что в свое время царь Федор Иоаннович наделил своего шурина титулом наместника царств Казанского и Астраханского. Таким образом, он стал заниматься непосредственно сибирскими делами. По образному выражению Н. И. Костомарова: «В это время Годунов начал свое любимое дело – постройку городов, чем отличался во все продолжение жизни, справедливо сознавая пользу этой меры для государства»². Каждому появлявшемуся на карте государства городу-крепости была предназначена своя стратегическая задача. Построенный в 1586 году Воронеж был призван решать сразу несколько задач: отражение набегов крымских татар, закрепление придонской части Поля за Россией и усиление воздействия российского государства на проживавшее здесь население³. Возникновение Самары на р. Волге диктовалось исключительно как средство оказания политического давления на Больших ногаев⁴. Как уже отмечалось, города-крепости в центре Башкирии и Западной Сибири возникают в ходе непосредственной борьбы с бывшим правителем Сибирского ханства Кучумом.

¹ РГАДА. Ф. 127. 1586 г. Д. 10. Л. 55.

² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Наука, 1993. С. 335.

³ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. С. 197–198, 202, 208.

⁴ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Наука, 2002. С. 333–334.

В этом плане общее содержание градостроительной политики Б. Годунова сводилось к определенной фиксации посредством возведения укрепленных крепостей государственной территории на присоединяемых землях. С другой стороны, непосредственно создавался постоянный оборонительный пояс из городов-крепостей.

Таким образом, древние и ранние русские города Приуралья, Южного и Среднего Урала и Западной Сибири представляли собой единый урбанистический каркас своеобразного, достаточно специфического социокультурного пространства, оказавшегося в составе России после включения в состав России Казанского ханства, Башкирии и Западной Сибири.

Применение компаративного метода при изучении городских поселений, возникших на Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. и других регионах России, позволяет выделить не только совокупность внешне сходных явлений, но и в процессе историко-сравнительного анализа выявить отличительные черты, доминирующие и существенные признаки на ранних этапах развития города. Не только современные города Волжско-Уральского региона, но и Северного Кавказа «выросли» из русских городов-крепостей XVI – первой половины XIX в. Однако, как было сказано выше, это не значит, что на этих территориях прежде, до появления русских городов-крепостей, не было более древних поселений. Они мало напоминали собой русские крепости, но являлись политическими, торгово-экономическими, духовными центрами для коренного населения данной местности. Так, например, на месте, где была построена крепость Грозная, издавна существовало более двух десятков чеченских аулов, а на Южном Урале на месте древних башкирских поселений были поставлены крепости Уфа, Оренбург, Челябинск и другие.

Северный Кавказ, отличавшийся полиэтничностью и многоукладностью хозяйственной жизни населяющих его народов, занимал пограничное положение между разными цивилизационными мирами и входил в сферу геополитических интересов Ирана, Османской империи, Крымского ханства и России. Уже с первых дней своего присутствия на Северном Кавказе Россия проводила политику, предусматривающую не защиту политической самостоятельности северокавказских владений, а стремилась, как и Иран, Турция, Крым, добиться здесь установления своей гегемонии. Как отмечается в исторической литературе, Россия в отношениях с Портой и Крымом являлась стороной обороняющейся, а ее действия в регионе – продолжением борьбы за укрепление безопасности российских границ. Поэтому одни и те же мероприятия России, направленные на укрепление своего влияния на Южном Урале и Северном Кавказе, приобретали специфические черты, обусловленные конкретными обстоятельствами. К числу важных обстоятельств, определивших политику России на Северном Кавказе, можно отнести близость данного региона к международным транзитным торговым

путям и наличие дестабилизирующего внутреннюю жизнь горцев фактора в лице вольного казачества.

Башкирия и Северный Кавказ оказались в поле зрения Москвы после падения Казани и Астраханского ханства. В 1557 г. северо-западные башкиры принимают российское подданство, сохранив за собой вотчинное право и широкую политическую независимость, но обязавшись платить ясак и нести военную службу в пользу Российского государства. А в 1573 г., после признания российского подданства остальными башкирскими волостями, они обратились к царю с челобитной о постройке на их земле русского города. Как показывают исследования о вхождении и других нерусских народов в состав России, встречным условием царского правительства было сооружение на их землях, якобы по их просьбе, укрепленной крепости как символа присутствия русского владычества. Примерно по такому же сценарию разворачивались события на Северном Кавказе, но с той разницей, что там, на кумыкских землях в низовьях р. Терек, близ старинного приморского города Темен уже хозяйничали казаки. В 1557 г. ниже-кабардинский князь Джанклишь обратился к Ивану Грозному с просьбой о принятии его в русское подданство вместе со всем Теменским владением. Как отмечает М. К. Любавский, «по-видимому, не без содействия этого князя и утвердились в городе Темени русские казаки». Казаки обнесли город валом в форме треугольника, отчего он стал называться Трехстенным, постепенно превратившись в опорный пункт терского казачества, расселившегося в низовьях р. Терек¹.

Вслед за казаками в этот обжитый район направились русские войска. Во главе войска в 1567 г. из Астрахани на Терек прибыли воеводы А. С. Бабичев и П. Протасов. В результате этой военной экспедиции 1567–1568 гг. на левом берегу Сунжи, недалеко от впадения ее в Терек возник Сунженский городок, который вскоре был уничтожен. В начале 1588 г. в Москву отправилось адыгское посольство с просьбой принять их в русское подданство. Послы просили царя Федора Ивановича построить на р. Терек город для защиты от притязаний Турции и Крымского ханства. В 1588–1589 гг. в дельте р. Терек и ее притока Тюменки был построен город-крепость Терки. В конце XVI – начале XVII века Терский город становится военно-стратегическим, политическим и экономическим центром Северо-Восточного Кавказа. С первых же дней своего основания г. Терки являлся посредником в торговле между Северным Кавказом, Закавказьем, Ираном, Индией и другими странами, проводником политики Российского правительства на Кавказе². На Северном Кавказе на протяжении всего XVII в.

¹ Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / Отв. ред. А. Я. Дегтярева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 394.

² Буканова Р. Г., Кидирниязов Д. С. Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2016. – № 4 (33). – С. 46–53.

олицетворением русского присутствия в регионе оставались: заново укрепленная в 1646 г. крепость Терки, а также неоднократно возобновлявшийся на прежнем месте Сунженский городок.

§ 3. Город и его роль в становлении абсолютизма в России в XVIII в.

Петр I сохраняет прежнюю политику присоединения и освоения новых земель посредством предварительного сооружения на стратегически важных направлениях крепостей или непрерывных укрепленных линий. Однако, в целом город на протяжении первой четверти XVIII в. постепенно меняет свое предназначение. Борьба за выход на международную арену, потребность в развитии внешней и внутренней торговли и промышленности – все это потребовало проведения ряда реформ, призванных способствовать дальнейшему подъему городов. Указанные реформы должны были стимулировать торгово-промышленную деятельность посадского населения и обеспечить развитие органов городского самоуправления. Принципиальные изменения произошли и в области градостроительства.

Своеобразным поворотным пунктом в истории России стало строительство новой столицы – Санкт-Петербурга. Он стал первым городом в России, не имевшим ничего общего с традиционным укладом предшествующих эпох. Новая столица стала основой формирования Российской империи. Хотя Петербург во многом изменил темпы жизни патриархальной Руси, процесс развития остальных городов протекал крайне медленно. Об этом свидетельствует тот факт, что в середине XIX в. 63 % всех городов Российской империи имели численность менее 10 тыс. человек, и только в 13 городах проживало более 50 тыс. человек. Общей картиной для городов на протяжении XVII–XIX вв. было сохранение традиционного натурального уклада жизни. Если и существовали какие-либо отличительные компоненты в хозяйственной или социальной сферах, то они были обусловлены не столько естественной природой самого города, сколько его значением в реализации тех или иных политических задач государства. Лишь реформы 1861–1870-х гг. кардинальным образом изменили жизнь российского общества, способствовали постепенной трансформации феодального города в капиталистический город.

Вместе с тем, следует отметить, что в XVIII в. строительство городов-крепостей на окраинах страны по-прежнему представляло собой составную часть государственной политики России. И в этих регионах власть стремилась к оживлению торгово-промышленной деятельности посадского населения, освобождению купечества от мелочной опеки со стороны царской администрации и развитию городского самоуправления. Подобные попытки изменить систему управления городами определенным образом затрагивали интересы населения всего региона. На этом фоне возникновение новых городов было непосредственно связано с административно-

территориальным переустройством края и формированием новых органов власти на местах.

Основой губернской реформы 1708 г. стали столь понравившиеся российскому государю европейские представления об урбанистической системе, что и определило структуру органов местного самоуправления. Указом Петра I от 18 декабря 1708 г. все города, располагавшиеся от Москвы далее 100 верст, были определены по 8 губерниям: Московской, Ингерманландской, Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской. Соответственно каждый город в губернии имел свой уезд.

Губернии и уезды, которые стали теперь напрямую зависеть от наличия городов, были далеко неравнозначными, к тому же губернии оказались слишком велики и неудобны для управления. Для преодоления этого было введено промежуточное деление между губернией и уездом – провинции. Любопытно, что попытка нового административного деления была предпринята еще в конце XVII века: так указ от 27 октября 1699 г. упоминает о провинциях. Но лишь в 1719–1720 гг. деление на провинции стало обязательным для всей страны. Губернии были разделены на провинции, а провинции – на уезды. Как уже отмечалось, здесь проявлялось увлечение монарха западной (по преимуществу скандинавской) системой управления. В основу будущего административно-территориального устройства Российской империи были положены элементы шведской системы управления: провинция (ланд) стала основной единицей областного управления. Территориальное устройство было непосредственно «привязано» к городам, которыми управляли: «в порубежных и знатных – генерал-губернатор и коменданты; а в других порубежных же – губернаторы и вице-губернаторы, обер-коменданты; во внутренних же провинциях – воеводы»¹.

Административно-территориальная реформа Петра I преследовала, прежде всего, следующие цели: укрепление аппарата государственной власти на местах, создание эффективной системы сбора налогов, расписание полков русской армии по губерниям для их содержания – словом, чтобы «о денежных сборах и о всяких делах присматриваться»². Восемь губернаторств, по словам К. Валишевского, отчасти соответствовали старинным военным и финансовым округам³.

Важным принципом нового административно-территориального устройства явилась опора на служилую бюрократию. Губернаторы были наделены чрезвычайными полномочиями: каждый из них не только имел административные, полицейские, финансовые и судебные функции, но и являлся командующим всех войск, расположенных в подведомственной

¹ РГВИА, Ф.349. Оп. 2. Д. 474. Л. 2.

² Российское законодательство X-XX веков. – В девяти томах. – Т. 4. – М.: Наука, 1986. – С. 166.

³ Валишевский К. Петр Великий. М., 1990. С. 288.

ему губернии. При этом, в управлении национальными окраинами (Прибалтика, Левобережная Украина, Башкирия, частично Сибирь и др.) были сохранены некоторые особенности, в чем, по мнению ряда исследователей, проявилась политическая гибкость абсолютной монархии, старавшейся использовать в своих целях традиционные институты власти на местах¹.

Петровским указом 1708 г. «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» все земли, управляемые приказом Казанского дворца, были отнесены к Казанской губернии. Всего к Казанской губернии было приписано 36 городов уездного значения с 34-мя подчиненными им «пригородами». Среди них числилась Уфа и приписанные к ней село Каракулино, Бирский и Соловарный городки. Если учесть, что Соловарный городок был построен лишь в 1684 г. как острожек и вскоре прекратил свое существование, то на огромной территории Башкирии в петровское время фактически оставалось всего лишь 2 городских поселения: Уфа и Бирск. Мензелинская крепость и городок Оса, ранее находившиеся в составе Уфимского уезда, были приписаны к Казани².

Возможно, попытка изменить систему управления в Поволжье и Приуралье предпринималась до реформы 1708 г. Однако отсутствие урбанистического каркаса, необходимого для проведения такой реформы, не позволяла выстроить четкую систему управления этой территорией. До 1708 г. основная территория Башкирии входила в состав Уфимского уезда и находилась в непосредственном ведении приказа Казанского дворца. То есть, уфимские воеводы Казани не подчинялись, фактически они имели неограниченную власть в пределах Уфимского уезда с городами Уфою, Бирском, Мензелинском и Осою. Но и после 1708 г. в административном устройстве Башкирии продолжали существовать специфические черты: деление всей территории края на фискальные округа – Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую дороги, а также более административные единицы внутри дорог: волости и аймаки³.

Пограничное положение Башкирии и малочисленность городов не способствовали полноценной реализации на ее территории губернской реформы. Уфимская провинция, формально считавшаяся в составе Казанской губернии, продолжала сохранять особое положение. Ее статус окончательно оформился в 1728 г., когда уфимский воевода на правах губернатора был подчинен Сенату.

В 1709 г. с целью упорядочения градостроительного дела в Петербурге была образована первая Комиссия строений, которая стала органом государственного проектирования столицы и других российских городов. В градостроительную практику стало внедряться предварительное состав-

¹ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 31–32.

² Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа : Китап, 1997. С. 11., 40.

³ Там же. С. 40–41.

ление планов городов. Разумеется, и в XVI – XVII вв. встречались некоторые элементы планирования, но они, как правило, касались конфигурации стен, размещения башен и ворот, административных и церковных построек и использования естественно-географических особенностей местности. В XVIII в., начиная с петровского времени, появляются типовые планы крепостей, редутов и фельдшанцов, усиливается внимание к гражданскому строительству: проектированию улиц и благоустройству городов.

Известно, что в петровское время пышным цветом расцветает «регулярство», которое проявилось не только в области архитектуры, но и как своеобразная форма организационной структуры российского государства. Но наиболее существенным достижением петровской эпохи был переход к регулярной планировке и застройке городов. Указы и распоряжения Петра I составили целый кодекс строительных правил, характерных для нового архитектурного типа города. Уже в 20-х годах XVIII в. волевыми методами Петру удалось осуществить переход к регулярной планировке и застройке во всех вновь основанных городах, включая и столицу империи. В 30–40-х годах XVIII в. такие планировочные системы широко используются при строительстве городов-крепостей на Южном Урале.

Столь быстрое и повсеместное распространение регулярных планировочных систем объяснялось их практическими преимуществами: простотой разбивки на местности плана города, удобствами сообщения и ясностью ориентации в городе, удобством участков, нарезаемых под застройку и, наконец, целым рядом художественных достоинств. Подчинение всей планировки новых городов и крепостей единой геометрической схеме, идеально прямые улицы, «звездное» обрамление их внешними городскими укреплениями отвечало как функциональным задачам новопостроенных крепостей, так и эстетическим представлениям того времени.

В петровскую эпоху наряду со строительством городов нового типа на северо-западе (Петербург) предпринимаются попытки приспособить города-крепости старого образца к новым условиям. Однако этот процесс шёл очень медленно: сложившаяся на окраинах страны «городская система» оказалась более консервативной, что было следствием заранее заданной функции крепостей.

Переход к регулярной планировке и застройке привел к необходимости выяснить состояние всех имеющихся городов и городов-крепостей и составить реестр городов. Уже при Петре I стала собираться обширнейшая информация о всех крепостях России. Своеобразное место в иерархии российских городов заняли так называемые «регулярные» и «нерегулярные» крепости. Некоторые любопытные сведения об отношении Петра I к крепостям регулярного и нерегулярного типа сохранились в делах Военной коллегии за 1721–1724 гг.

В марте 1721 г. Военная коллегия представила Петру I доклад о выделении денег на артиллерию, амуницию и содержание артиллерийских

служителей, к которому был приложен реестр крепостей. Царь должен был решить: «которые крепости содержать и которые оставить подлежит». Список начинался пятью наиважнейшими в стратегическом отношении крепостями. Это: Санкт-Петербург, Котлин, Шлиссельбург, Москва, Выборг. 28 номером была обозначена Казань, 29-м – Царицын, 30-м – Уфа. В конце списка находились Астрахань, Терек, Гурев на Яике, Петровск на Медведице, Тобольск, Архангельский город. Как видно, список был составлен не по географическому признаку, а в какой-то степени отражал значимость указанных крепостей с точки зрения Военной коллегии. Петр I, просмотрев список, собственноручно проставил против названия каждой крепости особые значки, которые означали «оставить» или «содержать», и сделал приписку: «Которые опасны и стали к регулярным соседям и туркам, тех содержать по обыкновению в полном комплекте, смотря по опасности места. А которые от нерегулярных соседей стали, те определить, исправляя старое как возможно лутче и безубыточнее...»¹.

Из шести «нерегулярных» крепостей, которые нуждались в ремонте, четыре крепости были восточного и юго-восточного направления: Уфа, Терек, Гурьев на Яике и Тобольск. Очевидно, закончив войну со шведами и создав мощную систему обороны на западных рубежах, Петр решил предпринять более активные действия на востоке. К этому времени было завершено сооружение Царицынской укрепленной линии на правом берегу р. Волги², и внимание Петра было сосредоточено на городах-крепостях заволжской части России, которые нуждались в дополнительных укреплениях. Однако осуществление даже таких скромных по российским масштабам того времени планов оказалось невозможным из-за нехватки средств. В течение нескольких последующих лет Военная коллегия ведет переговоры с Сенатом о финансировании. Наконец, в 1723 г. было найдено компромиссное решение: губерниям и провинциям было разрешено часть доходов оставлять на содержание имеющихся в них оборонительных сооружений и крепостей. «В губерниях и провинциях, – говорилось в царском указе от 3 апреля 1723 г., – на содержание фортификации и в них артиллерии в окладе отложить некоторую часть денежной казны, дабы прежние фортеции от несмотрения и беспочинок не были во упущении, и для того о всех таких фортециях и крепостях учинить ведомости и, приложив мнение, какими мастеровыми и работными людьми и коликою суммою на каждой год оное содержать возможно, взнести в Сенат для решения»³.

Петр I лично контролировал состояние городов и крепостей. Со свойственной ему аккуратностью он подробно расписал, где что нужно было сделать. Сохранилась копия его записки «О фортециях и цитаделях», написанной в ноябре 1724 г. Девять городов, в том числе Санкт-Петербург,

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 456. Л. 294.

² Там же. Л. 295.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 456. Л. 295–295 об.

Астрахань, Ригу, от отнес к первой группе, где «фортеции регулярные и готовые». Во вторую группу вошли 7 городов, где «фортеции и цитадели, которые делаются и делать надобно»: Баку, Гилян, Смоленск и другие крепости. Отдельно были указаны Кронштадт и Ревель. Далее была выделена следующая группа укрепленных поселений, которые названы Петром «малыми цитаделями». В названную «цитаделью» группу крепостей вошли Брянск, Царицын и другие крепости, очевидно, недавно построенные. «В сих довольно по одному канониру и пушке, и на год амуниции, – отмечает Петр, – новый транжамент оставить, как есть, до времени».

И, наконец, к последней группе Петр отнес «города с башнями, нерегулярные»: Тобольск, Казань, Уфу и Астрахань. Впоследствии это выражение Петра – «города с башнями, нерегулярные» – широко использовалось в официальных источниках для характеристики вышеназванных крепостей. Это должно было означать, что в них осталась старая планировка и комплекс построек: острожные стены, башни вместо бастионов и другие традиционные элементы прежних городов-крепостей. «В сих, кажется, по три или по четыре пушки на башню довольно, – считал Петр, – к двум пушкам один канонир, ибо во время нужды везде можно из солдат или иных людей гантлангеров определить, сколько потребно, для помощи канонирам»¹. Спустя примерно месяц, 4 декабря в 1724 г., Петр I издает указ о починке регулярных и нерегулярных крепостей, в том числе и Уфимской крепости².

То, что на важных направлениях стояли «нерегулярные» города старого типа, очевидно, не могло не беспокоить Петра I. Он периодически возвращался к этой теме. Так, 9 декабря 1724 г. этот вопрос стал предметом обсуждения на приеме, организованном в честь царя президентом Берг-Коллегии фельдцейхмейстером Яковым Брюсом у себя дома. Петр, как вспоминал потом Я. Брюс, «между протчими разговорами изволил упоминать о крепостях»³. Речь в основном шла о постройке новых и ремонте старых фортификационных сооружений. Петр считал, что ремонт старых или постройка новых фортификаций будут стоить одинаково, поэтому смету расходов следует составлять так, «якобы уже она сделана или вновь такую же сделать»⁴. В разговоре с Я. Брюсом Петр I снова упоминал об Уфе: «А где были и еще есть деревянные города и полисады, но весьма худы и обвалились (яко Уфа и ей подобные), оные сломать, а вместо них сделать земляные валы и с внешней стороны – полисады, между ними каналы (применяясь частью к здешнему адмиралтейству или Кронверку), токмо смотря по ситуации оных. Где же были башни и обвалились, тут вместо их сделать болверки или бастионы, и таковым ос-

¹ Там же.

² Там же. Л. 295 об.– 97.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 456. Л. 298.

⁴ Там же. Л. 297.

нованием оных крепости довольно быти могут»¹. Таким образом, ещё при жизни Петра I обсуждался план перестройки г. Уфы.

Обобщая изложенное, можно отметить, что укрепление безопасности страны и состояние оборонительных систем, в том числе сооружение новых и ремонт старых крепостей, находилось под пристальным вниманием Петра I. Идеи Петра о регулярной планировке и застройке на долгие годы определили облик городов-крепостей России XVIII в.

При преемниках Петра, в эпоху дворцовых переворотов, города приобретают большую самостоятельность. Очевидно, это было обусловлено не самим процессом перехода городского самоуправления на новую ступень, а с ослаблением контроля над регионами со стороны государства. Нестабильность политической власти в центре дестабилизировала работу административной машины. Коллегии с их канцеляриями продолжали функционировать, но в организацию местного управления были внесены существенные изменения: были восстановлены воеводы, в том числе и в уездных городах, где при Петре I государственных учреждений практически не было. В системе управления, как в целом в России, так и в губерниях, 1726–1730 гг. наблюдается отход от принципов жесткой регламентации всех сторон жизни, что способствовало усилению административных функций губернских городов. В качестве примера можно привести Уфимскую провинцию, которая наряду с Казанской губернией, в состав которой он был включен по ходу проведения губернской реформы при Петре, с 1728 года напрямую была подчинена Сенату, а его воевода П. Д. Аксаков имел неограниченную власть в провинции, такую же, как и губернские правители.

Система управления, сложившаяся в 1726–1730 гг. просуществовала до губернской реформы 1775 г. В целом, как отмечают исследователи, одним из последствий этого стало постепенное перенесение центра тяжести местного управления на провинции с ростом самостоятельности все более теряющих зависимость от губернаторов провинциальных воевод. Сформировалась характерная для этого периода достаточно четкая структура власти. Ее недостатком была малочисленность местных учреждений и их служащих, сложности, связанные с организацией деятельности местных провинциальных канцелярий, содержанием местного государственного аппарата, что осуществлялось за счет местного населения. Последнее нередко приводило к злоупотреблениям царских чиновников на местах – так, например, уфимский провинциальный воевода П. Д. Аксаков был обвинен во взяточничестве и против него было возбуждено следственное дело.

Если в допетровскую эпоху укрепленные линии и крепости в основном выполняли оборонительные функции, то в XVIII в. строительство линий и крепостей все больше приобретает наступательный характер. Воз-

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 456. Л. 297 об.

никновение многих крепостей было в этот период было связано с изменением юго-восточной политики России и признанием казахским ханом Младшего жуза Абулхаира российского подданства. Эти события побудили российское правительство приступить к строительству новых укрепленных линий с городами-крепостями нового типа. Так, в 1731–1736 гг. в Заволжье была построена Новая Закамская и на ней крепости: Алексеевск, Красноярская, Сергиевск, Черемшанская. Это было началом активного продвижения на территорию Башкирии, все еще остававшейся вне российской юрисдикции и сохранявшей особое положение в составе Российской империи.

Следующий этап в административно-территориальном переустройстве Башкирии и всей юго-восточной территории от Волги и до Урала был связан деятельностью Оренбургской военно-географической экспедиции (комиссии) в 1734–1743 гг. Основная задача экспедиции состояла в открытии нового сухопутно-морского пути из России в Индию через Башкирию, территорию Младшего казахского жуза и акваторию Аральского моря: первоначально экспедиция называлась Киргиз-кайсацкой. На этом пути должны были быть построены город Оренбург и пристань на Арале. Однако с самого начала деятельности экспедиции стало ясно, что эти задачи невыполнимы, и, чтобы оправдать свое существование и затраченные на нее средства, вся ее деятельность была направлена на обеспечение комфортных условий пребывания многочисленных членов экспедиции и обустройство их в Башкирии путем массового строительства городов-крепостей на ее территории. Первым начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым, который был наделен исключительными полномочиями в управлении Башкирией, в центре и вдоль внешних границ Башкирии в общей сложности было заложено 18 крепостей¹. Из них 10 крепостей к началу 1737 г. были, в основном, построены. Это: Оренбургская крепость на р. Орь (ныне – г. Орск), Табынская, Озерная, Бузулуцкая, Красносамарская, Красноуфимская, Елдяцкая и Нагайбацкая крепости и две крепости в Зауралье – Чебаркульская и Миясская.

В мае 1737 г. после смерти И. К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии был назначен В. Н. Татищев, который в 1720–1722 и 1734–1737 гг. занимал пост начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов в г. Екатеринбурге и хорошо знал обстановку в Башкирии. Экспедиция в официальных документах получает название «Оренбургская комиссия».

Последующая деятельность экспедиции под руководством опытного государственного деятеля В. Н. Татищева, ярко отображает процесс включения российских окраин в единое общегосударственное правовое поле. Важная роль в этом процессе отводилась как прежним центрам админи-

¹ РГАДА. Ф.248. Оп.17. Кн. 1164. Л. 81–82.

стративного управления краем, таким как Уфа, Екатеринбург, Кунгур, Тобольск, так и новопостроенным городам-крепостям. Период деятельности В. Н. Татищева на посту главного командира Оренбургской комиссии оказался самым эффективным по своим политическим и социально-экономическим последствиям. Говоря современным языком, В. Н. Татищев модернизировал административную систему в отдельно взятом регионе, ввел новые методы управления Башкирией, подняв коллегиальное начало в деятельности Оренбургской комиссии. Его преобразования в сфере административно-территориального устройства Башкирии, размещения и сооружения крепостей оказали огромное влияние на все последующее социально-политическое развитие Волго-Уральского региона.

В. Н. Татищев не только продолжил строительство городков, начатых при И. К. Кирилове, но и внес определенный порядок в это дело, подчинив строительство крепостей задачам управления краем и определив их административные функции. При нем были заложены и новые крепости: Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская и Сорочинская – на р. Самаре; Татищева пристань, Бердская, Губерлинская – на р. Яике; Мочинская крепость в 20 верстах южнее г. Самары; Ставрополь на р. Волге для удержания калмыков за Волгой (это место ныне затоплено Волжским водохранилищем); достроены Эткульская и Челябинская крепости в Зауралье.

В. Н. Татищевым было принято решение о переносе г. Оренбурга на новое более удобное место. Выяснилось, что, хотя И. К. Кирилов еще в 1736 г. доложил императрице Анне Иоанновне об окончании строительства Оренбурга, ничего в нем еще не было построено. В своем письме к кабинет-министрам А. И. Остерману и А. М. Черкасскому В. Н. Татищев в августе 1737 г. писал: «...Назначенное место ежегодно водою поднимает более аршина, а остается токмо сухое, где ныне крепостца – и то место самое малое. < ... > Кому же оно в вину причесть не знаю, ибо инженерные офицеры сказывают, якобы неудобства Кирилову представляли, да слушать не хотел, да и офицера довольно в градостроении искусного нет»¹. Место под строительство нового города Оренбурга было определено в урочище Красная гора, однако достроить Оренбургскую крепость В. Н. Татищеву не удалось.

По инициативе В. Н. Татищева 14 июля 1737 г. в Мензелинске впервые был созван Генеральный совет, в котором участвовали все более или менее крупные царские чиновники, находящиеся на территории Башкортостана. Одним из главных вопросов, рассмотренных на Генеральном совете, стал вопрос дальнейшего управления краем: разделение «башкирцов под разные суды и правления»², что, в свою очередь, требовало осуществления ряда административных преобразований внутри Башкирии.

¹ Рычков П. И. История Оренбургская. (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 31.

² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660 об.

Чтобы подчинить северо-восточных башкир единой системе управления, было решено в Башкирском Зауралье основать новую провинцию. Вскоре по представлению В. Н. Татищева указом от 13 августа 1737 г. Зауралье, населенное башкирами, было отделено от Сибирской губернии и образована Исетская провинция, которая стала основной территорией современной Челябинской области. Исетская провинция была разделена на три уезда или дистрикта: Исетский, Окуневский и Шадринский. Административным центром новой провинции сначала была определена Теченская слобода Окуневского дистрикта, с 1739 г. им стала Чебаркульская крепость, а с 1743 г. – Челябинск.

Были предприняты некоторые меры для упорядочения управления башкирами Осинской дороги. В Осе, например, который находился «в самом удобном месте, но от Казани удалел», было решено назначить особого воеводу и «приписать дворцовых мужиков до Сарапула, < ... > ему ж подчинить Уфимского уезду Гайнинскую волость», а Красноуфимскую крепость «также учредить, как и Осу, пригородом Уфимской провинциальной канцелярии и к нему которые поблизости волости и деревни приписать»¹. Красноуфимская крепость и Осинский городок стали пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, назначаемыми из Сената.

Таким образом, можно заключить, что изменение управления Башкирским краем и башкирским народом было непосредственно связано со строительством городов-крепостей². Очевидно, в других регионах также происходили схожие процессы. В начале 40-х гг. XVIII в. на территории Башкирии насчитывалось 22 крепости. 14 из них находились в южной части Башкирии. Это – Красносамарск, Борск, Ольшанск, Бузулук, Тоцк, Сорочинск, Тевкелев, Переволока, Татищев, Чернореченск, Бердск, Оренбург (впоследствии – Красногорск), Озерная, Орск, а также Губерлинская крепости. В Зауральской Башкирии находились 4 крепости: Чебаркульская, Миясская, Эткульская и Челябинская, а также укрепленная Верхояицкая пристань, которая тоже выполняла функцию крепости. В центральной части Башкирии были построены Табынская, Елдяцкая Нагайбацкая и Красноуфимская крепости. Все они в той или иной степени выполняли и административные функции, постепенно подготавливая условия для перехода к губернской системе управления и окончательного превращения Башкирии во внутреннюю провинцию России.

Преобразование Уфимской провинции в Оренбургскую губернию

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660 – 661.

² Буканова Р. Г. Реформирование системы административного управления Башкирией в XVIII веке // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции; г. Уфа, 19–20 апреля 2018 года; в 4 частях. Ч. 1. / под общ. ред. А. С. Ханахмедова. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2018. С. 100–104.

связано с именем действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, назначенного командиром Оренбургской комиссии в январе 1742 г.

Главным итогом деятельности И. И. Неплюева следует считать основание современного Оренбурга и подготовку губернской реформы в Башкирии. До образования Оренбургской губернии Уфимская провинция продолжала сохранять самостоятельность во внутренних делах, по-прежнему оставались расплывчатыми ее административные границы. Осенью 1742 г. и зимой 1743 г. И. И. Неплюев объезжает Башкирию с целью определения границ будущей губернии, а заодно основывает и заселяет новые города-крепости. Ниже по течению р. Яика были определены места для строительства еще двух крепостей: Магнитной близ Магнитной горы, Кизильской на р. Нижний Кизил. Две небольшие крепости предполагалось построить на реках Уртазым и Таналык. Во время пребывания И. И. Неплюева в Зауралье было выбрано новое место под строительство Оренбурга: «подле самого Яика, выше Сакмарского устья в десяти верстах, и тако, стало быть, на самом краю Башкирии»¹. 19 апреля 1743 года состоялась торжественная церемония закладки города. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния, и Оренбург становится губернским городом, а И. И. Неплюев – первым губернатором. Благодаря своему пограничному положению, Оренбург в XVIII веке становится центром управления не только башкирским краем, но и всей юго-восточной окраиной России.

Города-крепости, построенные на территории Башкирии в 1735–1743 гг., сыграли исключительно важную роль в истории становления губернской системы управления в Башкирии, начавшейся с петровских реформ 1708 года и завершившейся спустя 35 лет образованием Оренбургской губернии.

При Екатерине II, продолжившей в основных чертах политику Петра в 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», согласно которым Россия была разделена на губернии или наместничества². В каждом регионе проведение этой реформы проходило в специфических условиях, обусловленных их уровнем социально-экономического развития и значимостью этих губерний для обеспечения стабильности и безопасности Российской империи. Башкортостан, на основной территории которой расположилась Оренбургская губерния, оставалась еще пограничной территорией, связывающим звеном во взаимоотношениях России с тюркским миром.

Именной указ о преобразовании Оренбургской губернии в Уфимское наместничество был издан 18 мая 1781 г., а официальное учреждение

¹ ГА ОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л.48–61. Там же.

² Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти т. – Т. 5. // Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М. : Юрид. лит., 1987. – С. 170–295.

Уфимского наместничества состоялось лишь 29 апреля 1782 г.¹ Одновременно было упорядочено иерархическое положение российских городов, что имело большое значение для развития современных городов Башкортостана. Уфа получила статус губернского центра, кроме того были определены уездные города: Мензелинск, Бирск, Челябинск, Стерлитамакский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский уезды, Оренбург, Верхнеуральск, Бузулук и Сергиевск. Первоначально Уфимское наместничество состояло из 12 уездов, включая и Уфимский уезд, но в 1784 г. был образован еще один уезд – Троицкий, и всего стало 13 уездов, 1 губернский и 12 уездных городов. Таким образом, лишь в конце XVIII века был определен юридический статус городов. Причем, многие из них не соответствовали статусу городского поселения: например, Белебей был преобразован из села в уездный город благодаря своему положению на транспортном пути.

Таким образом, практически все города Южного Урала, основанные в XVI–XVIII вв. были построены «по заказу» государства. «Особняком» стоят в этой когорте Екатеринбург и Оренбург, возникновение которых стало возможным благодаря активной деятельности в этом крае таких крупных государственных деятелей, как В. Н. Татищев и И. И. Неплюев. Строительство новых городов, а военных крепостей, в особенности, представляло собой исключительно государственное мероприятие.

После того, как к середине XVIII века территория Башкортостана окончательно была покрыта сетью городов-крепостей, и в основном было завершено строительство Оренбургской линии, начался процесс военно-хозяйственного освоения казахских земель. Как пишет Г. Т. Каженова, «Пространство Северного, Восточного и Центрального Казахстана в XVIII – XIX вв. оказалось органически включено в стратегические планы Российского государства. Степные области в этих условиях играли роль буферной территории в процессе продвижения Российской империи в Центральную Азию»².

Специфика формирования городской культуры в лесостепной зоне тесно связана с проблемой адаптации местных общин с их традиционным укладом хозяйственной и повседневной жизни к новым условиям. В результате динамичного расширения территории Российского государства в восточном и юго-восточном направлениях в XVI – XVIII вв. в составе России оказалось совершенно уникальное цивилизационное пространство, населенное, главным образом, тюркоязычными народами, исповедующими ислам: татарами, башкирами, казахами и другими народами Сибири и Центральной Азии. При «столкновении» со славянско-православной цивилизацией, большинство из них сумело сохранить не только общие специ-

¹ Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 6. Уфа : Башк. энцикл., 2010. С. 504.

² Каженова Г. Т. История взаимоотношений казахов и сибирских казаков Степного края (XIX – начало XX вв.) : Уч. пособие для студентов исторических специальностей. – Кокшетау : КГУ им. Ш. Уалиханова, 2009. – С. 24.

фические черты тюркско-мусульманского мира, но и внутренние различия, характерные для каждого народа.

Наиболее близкими по однородности хозяйственного быта и общественного строя, общности культурных и духовных традиций были обитатели Южного Урала, Северо-Западной и Западной части Казахстана – башкиры и казахи. Основными характеристиками общественно-политического строя этих двух народов являлись: устойчивость родоплеменной организации и иерархическая система функционирования родоплеменных институтов. В экономической сфере господствующим типом хозяйственной деятельности являлось полукочевое и кочевое скотоводство, отсутствие личной собственности на землю при достаточно развитых формах земельных отношений, отсутствие эксплуатации. Кроме того, многие исследователи отмечают общность духовной и материальной культуры. В целом, это были представители аграрно-скотоводческой, а не оседло-земледельческой или городской культуры.

Говоря о влиянии города в контексте развития российской государственности, следует отметить отдельные проблемы, обусловленные односторонней оценкой значения русского города для цивилизационного развития окраин. В этом смысле приходится говорить о соотношении таких категорий: город как военная крепость, город как административный центр, город как социокультурное явление. Речь идет о том, что указанные проблемы невозможно воспринимать вне рамок исследования последствий болезненного процесса ломки традиционного уклада жизни и быта аборигенного населения, изменений в сфере их духовной культуры.

Исходя из факта, что современные города лесостепной зоны Евразии, в частности на территории Поволжья, Урала, юга Западной Сибири и других восточных землях, возникли в иноязычном окружении, в процессе инкорпорации этих территорий в состав России, следует признать, что первоначально они являлись ничем иным, как элементами культурной диффузии¹. Однако постепенно они подчинили, поглотили прилегающую округу. Потребовалось несколько столетий для сближения этих двух параллельных миров. Проблема взаимодействия в данном регионе двух цивилизационных направлений общественного развития – модернистской (городской), представленной пусть даже в виде военизированных русских городов-крепостей, и традиционной (по общепринятому мнению – кочевнической), представленной иноязычным окружением, требует своего всестороннего изучения.

В конце XVIII в., если рассматривать город в общем контексте раз-

¹ Буканова Р. Г. Русский город XVI–XVII вв. в иноязычной среде: параллельные миры или начало социокультурной модернизации Урала? // Региональный фактор модернизации России XVIII – XX вв. : Сб. науч. ст. / ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН. Отв. редактор В. В. Алексеев. – Екатеринбург: ООО «УИПЦ». – 2013. – С. 282–284.

вития системы управления в Российском государстве, при Павле I началось восстановление центральных учреждений, выстраивание вертикали власти. Но в губерниях уже существовали местные органы власти, обладавшие функциями центральных учреждений, и воссоздать прежние коллегии было уже невозможно. Кроме того, при Екатерине II практически было вытеснено из управления коллегиальное начало. Тем не менее, Павел I решительно упразднил наместничества, учрежденные Екатериной II. В 1796–1797 гг. были проведены кардинальные изменения и в местном управлении, в ходе которых была ликвидирована должность наместника, а роль главного правителя перешла к губернатору, подчиненному Сенату и коллегиям. Одновременно была реформирована и судебная система¹. Центральные учреждения Павла, при внешнем сходстве с прежними коллегиями, имели черты, сближавшие их с министерствами, что и привело впоследствии, при Александре I, к созданию министерств.

Градостроительная политика государства в северокавказском регионе проводилась теми же методами, что и в других регионах, в частности в Волго-Уральском регионе. В конце XVIII – начале XIX в. возникновение многих крепостей Северного Кавказа так же было связано со строительством системы кордонных укреплений, что нередко вызывало открытое сопротивление местных народов. В XVIII в. Российское правительство продолжало обустривать старые и возводить новые крепости на Моздокско-Азовской линии (Кизляр, Моздок, Екатериноград, Ставрополь и др.). Эти военно-административные центры Российского государства на Северном Кавказе затем стали опорными пунктами Кавказской укрепленной линии, в которых размещались административный и судебный аппарат, склады военных и продовольственных запасов. Комендантам городов-крепостей вменялось в обязанность собирать сведения о соседних местных народах. В 1735 г. был основан Кизляр, ставший главным российским политическим и военно-административным центром Северо-Восточного Кавказа, откуда исходили все нити управления огромным краем. В 1763 г. была заложена крепость Моздок. Необходимо отметить, что в процессе колонизации региона Моздок явился тем опорным пунктом, откуда российское правительство имело возможность продолжить Кавказскую линию на запад, к Черному морю и, таким образом, занять стратегическое положение на Кавказе.

Как известно, Дагестан и Северный Кавказ являлись объектом серьезных внешнеполитических притязаний шахского Ирана и султанской Турции. Официальные основания для распространения юрисдикции Российской империи на Дагестан и Северный Кавказ появляются лишь в конце XVIII в. после Кючук-Кайнарджийского (1774 г.) и Ясского (1791 г.) договоров с Турцией, а реальное укрепление российской власти в регионе

¹ Дворниченко А. Ю. Указ соч. С. 96–97.

произошло только в XIX в., после того, как он оказался в сфере административного влияния Российского государства¹.

Первыми военно-административными центрами Российской империи на Северном Кавказе стали ключевые пункты Кавказской укрепленной линии. В 1777–1782 гг. была построена Кавказская или Моздокско-Азовская линия – система военных укреплений и поселений, протянувшихся от Екатеринодара до Азова. Это, очевидно, стало возможным после присоединения к России Ингушетии (1770 г.), Осетии (1774 г.) и значительной части Чечни (1781 г.). Укрепление позиций Российской империи в Предкавказье повлекло за собой появление 9 мая 1785 г. указа Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества. В его состав были включены Астраханская и Кавказская губернии. Административным центром стал Екатериноград, а функции наместника возлагались на командующего Кавказской линией П. С. Потемкина, который непосредственно был подчинен императрице.

Одновременно со строительством и укреплением Кавказской линии российское правительство предпринимает меры по формированию казачьих полков – для охраны и обороны рубежей России. На Кубани, Тереке, Сунже возникает ряд казачьих поселений, расположенных вдоль линии или вблизи ее форпостов. Их население пополнялось за счет казаков, переведенных с Дона и Волги. К казачьим войскам, несшим службу на Кавказской линии, в 1792 г. было приписано Черноморское войско, созданное по инициативе П. С. Потемкина из бывших запорожских казаков, и впоследствии переселенных на Кубань.

В начале XIX в. обстановка на всем Кавказе продолжала оставаться сложной. Северный Кавказ оставался ареной острейших международных и внутренних противоречий. В связи с присоединением Грузии военно-стратегическими плацдармом России в этом регионе становится Центральный Кавказ. Как следствие, усиление военного присутствия России привело к консолидации разных этнических групп Кавказа и массовому антироссийскому движению. В 1802–1804 гг. народным движением был охвачен практически весь Центральный Кавказ, к которому присоединились народы Закубанья и Чечни. Военные действия правительственных войск и повстанцев развернулись в районе Кабарды, Военно-Грузинской дороги, Осетии, горной Ингушетии и других местах². Центром подавления восстания становятся Владикавказ и крепости Кавказской укрепленной линии.

Новый этап в политике России на Северном Кавказе совпадает с переходом России к военной форме управления Кавказом. В 1816 году главнокомандующим этим регионом был назначен сторонник жесткой полити-

¹ Кидирнязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – С. 80–81.

² Бегаулов Р. М. Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории. – 2-е изд., испр. – Карачаевск : КЧГУ, 2009. – С. 170–175

ки по отношению к кавказцам генерал А. П. Ермолов. Получив от Александра I огромные полномочия, он фактически стал единоличным правителем Кавказа. С целью покорения горцев и непосредственного подчинения их царской администрации им был разработан широкий план действий по переносу Кавказской линии с реки Терек до подножия Кавказского хребта. Вскоре от р. Сунжи до р. Сулак (Койсу) протянулась новая линия сторожевых постов и укреплений. В 1818 г. была построена крепость Грозная, в 1819 г. – Внезапная, в 1820 г. – Бурная. Тогда же были построены Преградный Стан, Злобный окоп и несколько других небольших укреплений, которые связали Сунженскую линию с Владикавказом¹.

В 1820 г. Черноморское казачье войско было отдано в подчинение командующего Кавказским корпусом А. П. Ермолова и вся территория от Азовского моря до земли Войска Донского была включена в Кавказскую губернию. В 20-х годах XIX в. была воздвигнута новая линия между Моздоком и станицами Волжского полка, названного Горским казачьим полком. После создания этого полка кордонная линия была выдвинута вглубь Северного Кавказа к предгорным районам на р. Сунже. В этот же период началось переселение сюда ряда станиц. За 1825–1827 гг. здесь было основано 11 станиц. Строительство новых укрепленных линий, основание крепостей и казачьих станиц осуществлялось в условиях постоянно сохранявшейся напряженности в отношениях с местными владельцами, обеспокоенных наступательной политикой царского правительства на Кавказе. Несмотря на это, города-крепости, построенные в процессе освоения Северного и Центрального Кавказа, сыграли важную роль в утверждении царской власти в этом регионе.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить 4 фактора, способствовавших возникновению городов-крепостей на инонациональных окраинах Российского государства:

- 1) первые города-крепости на окраинах страны появились в процессе признания нерусскими народами российского подданства и присоединения новых территорий;
- 2) большая часть укрепленных городов-крепостей возникла в ходе строительства цепи оборонительных линий против внешних врагов;
- 3) города-крепости строились в ходе подавления сопротивления местного населения;
- 4) в меньшей степени, города-крепости могли быть построены в процессе экономического освоения природных богатств вновь присоединенной территории.

Таким образом, возникновение русских крепостей и становление городов как на территории Северного Кавказа, так и Южного Урала были непосредственно связаны с политическими и социально-экономическими

¹ Кидирниязов Д. С. Указ. соч. С. 396–397.

процессами, стратегическими планами России на южном и юго-восточном направлениях. Жизнестойкость и последующее развитие внедренных на новых землях русских городов-крепостей зависела от характера взаимоотношений новопоселенцев-горожан с аборигенным населением, степени интеграции города их в сельскую округу.

Впрочем, дореволюционные исследователи обратили внимание на проблемы, связанные с противоречием городской и сельской жизни в России применительно к степени готовности к нововведениям, восприятию иноземного влияния. С. М. Соловьев отмечал: «Такова обыкновенно бывает жизнь сельского народонаселения, которое потому так упорно держится старого, так тяжело на подъем: здесь все новое, каждое изменение является чем-то страшным, враждебным, греховным, является произведением высших, таинственных и враждебных сил. В обществе развитом начало движения представляется городом: здесь человек непрерывно сталкивается с новыми людьми, с новыми родами деятельности, чрез это горизонт его расширяется, он привыкает к перемене, перестает бояться новизны и начинает упражнять свои духовные силы, выказывать свое господство над веществом, изменяя его, выказывать свое господство над силами природы, заставляя их служить себе, тогда как в сельской жизни, в занятиях земледельческих человек особенно чувствует могущество сил природы, находится под их влиянием».

После подобной констатации выдающийся российский историк сделал существенный вывод о различии российской и западноевропейской моделей влияния городской цивилизации на общий ход развития государственности. Он подчеркивает: «Но в Московском государстве город не мог иметь такого значения, какое он имел в Западной Европе, не мог представлять в такой степени начала движения, развития. Московское государство было государство сельское в противоположность западным поморским государствам, государствам городским по преимуществу; в нем город был большое огороженное село, и земледелие принадлежало к числу занятий городских жителей; промышленность мануфактурная была на низкой степени развития, торговля очень слаба: мы видели, как русские купцы объявляли, что им не стянуть с иностранными, которые и богаче и ловчее их, умеют действовать вместе, заодно»¹.

Следует отметить, что кризис во взаимоотношениях между сельской и городской цивилизацией получил свое отражение и в политической сфере на отдельных этапах истории государств Европы. В качестве примера обратимся к роли джентри (дворянства), его воздействия на процессы государственно-правового положения Великобритании. В своей книге «Краткая история Великобритании» известный исследователь Уильям И. Бернс

¹ Соловьев. С. М. Сочинения. – В 18 кн. – Кн. VI. – Т. 11–12. – История России с древнейших времен. – М. : Мысль, 1991. – С. 194.

отмечал, что в конце XIX в. в стране стали происходить значительные изменения в социальной сфере, что получило свое отражение и в политической жизни.

Он отмечал, что рост городов, где землевладельцы (джентри) не могли надеяться на то, что они окажут такое же воздействие, как на сельское население, значительно уменьшило их господство и аристократическую власть. На это же были направлены Законы о реформе 1867 и 1884 гг. и Закон о перераспределении мест 1885 г. Они расширили представительскую основу парламента, в который впоследствии войдут многие представители низших сословий и рабочих, т. е. часть населения, в значительной степени изолированная от земледелия. Аграрная депрессия конца XIX в. также по своим последствиям стала особенно тяжелой для землевладельцев¹.

Бернс подчеркивает: «Политическое ослабление джентри можно было проследить на основе процесса, когда, постепенно переходя от своего доминирующего положения как самой влиятельной группы в обеих основных партиях, они все больше сосредотачивались в Консервативной партии, где джентри были вынуждены делить власть с промышленниками и представителями среднего класса. К концу XIX в. джентри представляли собой постоянно сокращающееся меньшинство в палате общин и свое представительство в кабинете премьер-министра. Даже в традиционном оплоте джентри – органах местного самоуправления – они вынуждены были делиться с богатыми предпринимателями»².

Подобные изменения не только коснулись традиционного уклада жизни джентри, но и повлияли на утрату их общественного статуса. Исследователь отметил, что к концу XIX в. началось строительство новых загородных домов, которые возводились не традиционными землевладельцами, а капиталистами-миллионерами, большинство из которых не рассматривали свои новые имения как основу своего богатства. Очевидно, что они рассматривали предназначение своих новых особняков для охоты, а не в сельскохозяйственных целях. В политическом отношении джентри полностью изменило свое политическое лицо, превратившись из правящего класса в одну из политических групп среди других. Хотя дамы и джентльмены из джентри сохраняли свою индивидуальную культурную самобытность, они больше не представляли собой бесспорных лидеров общества³.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что в XVIII веке города становились одними из важных звеньев в системе государственного устройства России. Этот процесс во многом соответствовал укреплению Российской государственности, превращению ее в Российскую империю.

¹ William E. Burns. A Brief History of Great Britain. New York, 2010. P. 162.

² Ibidem.

³ William E. Burns. A Brief History of Great Britain. New York, 2010. P. 162.

§ 4. Город в контексте буржуазных реформ XIX в.

Важнейшей тенденцией развития городов России, начиная с XIX в., стала урбанизация. В России, как и в США, эта тенденция проявилась только со второй половины XIX в., когда тысячи освобождённых от крепостной зависимости крестьян устремились в города, а бизнесмены (купцы, лавочники, торговцы) широко развернули свою деятельность в пределах городской черты. В Европе этот процесс начался несколько раньше, но по темпам преобразований Россия занимала одно из ведущих мест среди европейских и североамериканских стран. Быстрыми темпами росла численность городского населения и удельный вес горожан в общей массе населения. Процесс развития городов и рост численности городского населения стали реальными факторами общественной жизни.

Процесс урбанизации во многом обусловил развитие систем городского хозяйства, которые до этого периода находились лишь в зачаточном состоянии. По данным профессора Веселкова Б. Б., в рассматриваемый период первый водопровод и простейшие канализационные сооружения были созданы в Москве в XV–XVII вв. В XVIII в. водопроводно-канализационная система и другие отрасли городского хозяйства стали развиваться в Петербурге, в пригороде которого в XVIII веке был сооружён уникальный водопроводно-канализационный комплекс с фонтанами, металлическими трубами, паровыми машинами и другими техническими новинками. Отметим, что и до сих пор этот комплекс является шедевром архитектуры и садово-паркового искусства, а также великолепным образцом инженерной мысли в сфере коммунального хозяйства.

В XIX в. развитие городского хозяйства приобретает широкий размах, хотя большинство технических новинок в данной сфере были впервые применены в городах Европы и Америки. Но и в крупнейших городах России оперативно осваивали новшества и внедряли их в жизнь. Так уже в первую половину XIX в. в Петербурге, Москве и некоторых других городах стало применяться газовое освещение улиц, появились первые виды общественного транспорта (омнибусы), использовались паровые двигатели в водопроводном хозяйстве, появились первые элементы благоустройства, несколько улучшилось санитарное состояние городов в результате очистки территории от грязи и мусора. Но в большинстве малых и средних городов перемены практически не ощущалось. Основные меры по развитию систем городского хозяйства России были предприняты во второй половине XIX и начале XX вв. Именно тогда возникли многочисленные водопроводно-канализационные системы, пассажирский транспорт, коммунальная энергетика, элементы санитарной очистки территории и благоустройства. При этом надо иметь в виду, что к началу XX в. водопроводы имелись лишь в 20 % городов. Даже такие крупные города, как Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Барнаул, Ташкент и многие другие не имели централизованно-

го водоснабжения. Среднее потребление воды в городах, имеющих водопроводы, составляло не более 40 литров в сутки на одного человека. Качество подаваемой воды во многих случаях было невысоким, так как 42 % всех водопроводов не имело очистных сооружений.

Канализационные системы с очисткой отводящихся стоков имелись лишь в 23 городах. Полноценной системы канализации не имели даже Петербург, Астрахань, Тверь, Казань, Иваново-Вознесенск и многие другие. В целом в городах России канализационная сеть составляла лишь 18 % от общей длины водопроводной сети. В то же время большое распространение имела ассенизация, которая существовала в 45 % городах страны.

Первые электростанции появились в России в конце XIX в. и вскоре получили широкое распространение для обеспечения электричеством жилых и общественных зданий. К 1917 г. в стране насчитывалось 459 электро- и теплостанций общего пользования, в том числе 272 коммунальных. Большинство из них функционировали на условиях концессий.

Трамвайное движение впервые было открыто в Германии в 1882 г., но уже в 1891 г. первая трамвайная сеть стала функционировать в Киеве. Затем появились трамваи в Петербурге, Москве и других крупных городах, став заметным фактором оживления городской жизни. Замоещение улиц и проездов в городах постепенно развивалось. Но в целом находилось на низком уровне. Основную часть мощения составляли булыжные мостовые. В целом протяжённость замощённых улиц в городах не превышала 20 % от их общей протяжённости, в том числе площадь усовершенствованных покрытий не превышала 2,8 % от их замощённой части.

Зелёные насаждения общего пользования составляли лишь 1 % территории городов и не превышали 4 кв. метра на человека. Земля в городах находилась преимущественно в частной собственности, и развитие городских систем было затруднено взаимоотношениями с владельцами городской территории. Тем не менее многие коммунальные предприятия были высоко рентабельны и развивались с широким использованием частного капитала, в том числе иностранного. Частные компании на основании концессий сооружали и эксплуатировали коммунальные электростанции, трамвайные хозяйства, часть водопроводов и т. п.

В развитие инфраструктуры городов активно вкладывались и бюджетные средства. В соответствии с «Городовым положением», принятым в 1870 г., основными источниками доходов города являлись:

- сбор с недвижимых имуществ (до 1 % их стоимости или до 10 % доходности);
- сбор с торговой и промышленной деятельности, с трактирного промысла (платные патенты и свидетельства на право заниматься этой деятельностью в населённых пунктах);
- доходы от городских (коммунальных) предприятий;

- доходы от использования городского имущества (земля, здания, сооружения и др.);
- пособия из государственной казны на покрытие обязательных расходов города (на содержание воинских гарнизонов, полиции и других государственных структур).

Структура доходов городов постепенно менялась и, если в конце XIX в. ведущее значение имели доходы от использования городского имущества и сборы с торговли, промыслов, трактиров, то уже в начале XX в. наибольшую значимость стали приобретать доходы городских предприятий.

В связи с ростом общественных потребностей и ограниченностью доходной части вышеназванными статьями власти ряда крупных городов стали искать источники дополнительных доходов. В начале XX в. такими источниками финансирования стали следующие: выпуск городских ценных бумаг (облигаций), средства городских общественных банков, заложение городской недвижимости в земельные банки, образования касс городского и земского кредита, использование займов частных лиц, доход от продажи концессий и прочие. В города России активно привлекался зарубежный капитал. Так, в 1915 г. в развитие городского хозяйства было вложено 246,4 млн руб. (концессии и займы), что составило 8 % бюджета страны.

В то же время необходимо отметить, что городской жилищный фонд составил к 1917 г. 150 млн кв. метров общей площади, а на одного жителя приходилось, в среднем 6,8 кв. метра, что было ниже, чем в европейских городах. Обеспеченные слои населения проживали в благоустроенных, просторных домах с центральным водопроводом и канализацией, паровым отоплением и электричеством, а беднота ютилась в бараках, подвалах, сараях, землянках, без всяких признаков благоустройства. Так только в Москве в 1912 г. насчитывалось 24,5 тыс. непригодных жилищ, в которых ютилось 313 тыс. человек, 60 % городского жилищного фонда Москвы не было электрифицировано, 75 % не оборудовано водопроводами, а 85 % – канализацией. Жилищный фонд с центральным отоплением составлял всего лишь 1 % от всего фонда города. Положение с развитием систем городского хозяйства в Петербурге было несколько лучше, а в большинстве российских городов намного хуже.

Таким образом, можно констатировать, что уровень развития городского хозяйства к началу 20-го века был недостаточен, но имел устойчивую тенденцию к развитию. Этому способствовал экономический подъём, но мешали обострившиеся социально-экономические противоречия в обществе, которые вскоре вылились в жестокое противостояние и кровавую гражданскую войну. Многие достижения в развитии городов были в эти

годы практически полностью утрачены¹.

Первая половина XIX в. в истории Российской империи характеризовалась, в целом, усилением централизации и концентрации государственного управления в руках абсолютного монарха. Либеральные реформы, проведенные в период правления Александра I, учреждение министерств и Государственного совета к коренным изменениям в системе государственного устройства не привели. Тем не менее была предпринята попытка упорядочить систему высшего государственного управления и местных государственных учреждений, придать им большее единообразие, гибко приспособить к нуждам нового времени.

Местное управление также не претерпело существенных изменений, по-прежнему основную функцию управления выполняли губернские города и губернская бюрократия. Оно осуществлялось губернаторами, стоявшими во главе губерний. На окраинах страны в ряде губерний, в том числе Оренбургской, были введены должности генерал-губернаторов. Во главе уездов стояли капитан-исправники, осуществлявшие свои функции совместно с нижним земским судом, который был не судебным, а полицейским органом. Уезды делились на станы. Для управления казенными крестьянами были созданы волости. Во главе волостей в центральных губерниях России стояли полостные правления из волостного головы, старост и писаря. Судебная система оставалась сложной и громоздкой: она была представлена губернскими судебными палатами и нижними звеньями словных судов – уездным судом, городовым магистратом, нижней расправой. Вместе с тем в каждой губернии в системе управления имелись свои особенности. Они имелись и в Оренбургской губернии, которая отличалась пестрым этническим составом населения, устойчивостью традиционной системы управления и самоуправления у башкир, с чем российское правительство вынуждено было считаться. Поэтому внедрение новых форм управления в Оренбургской губернии было возможно, в первую очередь, в городах-крепостях, построенных непосредственно в ходе административно-территориальных преобразований в крае.

Проблему взаимодействия органов государственного управления и самоуправления в городах мы рассмотрим на примере Оренбургской губернии. Границы Оренбургской губернии неоднократно перекраивались и окончательно они сформировались лишь в конце XVIII – начале XIX вв. Так, в 1782 г. вместо Оренбургской губернии было учреждено Уфимское наместничество, которое в январе 1797 г. вновь было переименовано в Оренбургскую губернию. С 1802 г. по 1865 г. центром губернии являлся город Уфа. В состав Оренбургской губернии вошли 10 уездов: Оренбургский, Уфимский, Стерлитамакский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябин-

¹ Чекалин В. С. Экономика городского хозяйства. Учебное пособие – СПб. : СПбГИЭУ, 2003. С. 96–107.

ский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бузулукский. В начале XIX в. вместе с Бугурусланским и Белебеевским уездами стало 12 уездов. Пограничное положение губернии сказалось и на организации управления: наряду с уездами существовали военные округа – башкирские кантоны, которые делились на юрты или команды. Границы кантонов не совпадали с границами уездов. В 1851 г. Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды отошли к новообразованной Самарской губернии, но продолжали оставаться в ведении оренбургского генерал-губернатора.

В первой половине XIX в. складывается более или менее стройная система управления. Либеральные реформы, проведенные в период правления Александра I, учреждение министерств и Государственного совета к коренным изменениям в системе государственного устройства не привели. Тем не менее была предпринята попытка упорядочить систему высшего государственного управления и местных государственных учреждений, придать им большее единообразие, гибко приспособить к нуждам нового времени.

Местное управление также не претерпело существенных изменений. Оно осуществлялось губернаторами, стоявшими во главе губерний. На окраинах страны в ряде губерний, в том числе Оренбургской, были введены должности генерал-губернаторов. Во главе уездов стояли капитан-исправники, осуществлявшие свои функции совместно с нижним земским судом, который был не судебным, а полицейским органом. Уезды делились на станы. Для управления казенными крестьянами были созданы волости. Во главе волостей в центральных губерниях России стояли полостные правления из волостного головы, старост и писаря. Судебная система оставалась сложной и громоздкой: она была представлена губернскими судебными палатами и нижними звеньями сословных судов – уездным судом, городским магистратом, нижней расправой. Вместе с тем в каждой губернии в системе управления имелись свои особенности. Они имелись и в Оренбургской губернии, которая отличалась пестрым этническим составом населения, устойчивостью традиционной системы управления и самоуправления у башкир, с чем российское правительство вынуждено было считаться. Поэтому внедрение новых форм управления в Оренбургской губернии было возможно, в первую очередь, в городах-крепостях, построенных непосредственно в ходе административно-территориальных преобразований в крае.

После учреждения Уфы губернским центром система управления в Оренбургской губернии еще более усложняется, так как в губернском центре находилась канцелярия гражданского губернатора, а в Оренбурге – канцелярия военного губернатора, имевшего более широкие полномочия. Были учреждены: губернское правление, судебные (гражданский и уголовный) и казенная палаты, приказ общественного призрения, 6 городских правлений и 10 уездных судов.

Военный губернатор непосредственно подчинялся императору и был наделен чрезвычайными полномочиями: исполнял административные, полицейские, финансовые и судебные функции, являлся командующим Отдельного Оренбургского корпуса, Уральского казачьего и Башкиро-Мещеряцкого войск. Нередко, пользуясь неограниченной властью, военные губернаторы вмешивались в дела гражданских губернаторов¹.

Управление городами Южного Урала, большинство которых продолжало выполнять функцию крепостей, также находилось в ведении военного губернатора. Он управлял с помощью полиции, во главе которой стоял городничий или комендант. Сословным органом управления в Оренбурге, Уфе, Челябинске являлись магистраты, в небольших городах – ратуши, которые в первой половине XIX в. выполняли судебные функции. Выборные члены городских магистратов и ратуш назывались ратманами.

Так, оренбургская городская власть была представлена комендантом, непосредственно подчиненным военному губернатору. В штат его помощников входили: 1 полицмейстер, 2 ратмана из штата городского магистрата, один переводчик с татаро-башкирского языка, секретарь. Город был разделен на 2 части, находившиеся под контролем частного пристава, каждая часть – на 2 квартала, в которых за порядок отвечали квартальные надзиратели. Кроме того в штате городской полиции находились 1 огнегасительный мастер и 1 трубочист².

В Уфе городским органом управления являлась полиция. Начальником полиции был городничий, его помощниками – полицмейстер, 2 ратмана из городского магистрата, 2 частных пристава и 4 квартальных³. Глава полиции с 1816 г. назывался полицмейстером. Город в это время был разделен на 3 части, а каждая часть на кварталы. По данным, приведенным авторами «Истории Уфы», в 1816 г. штат уфимской полиции состоял – кроме полицмейстера, частных приставов и квартальных надзирателей – полицейской команды в составе унтер-офицера, 33 рядовых, 11 казаков и 45 будочников; жандармской команды из 3 унтер-офицеров и 24 рядовых во главе с обер-офицером. Для несения караульной службы привлекались казаки⁴.

Выборным органом, подчиненным губернатору, была городская дума, которая ведала городским хозяйством и благоустройством города, формировала и распределяла городской бюджет. Выборы гласных в думу проводились один раз в 3 года. В состав думы входили городской голова и 4 гласных – по одному от купцов, мещан, казаков и отставных солдат⁵. Как

¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 473 «Дело по обвинению военного губернатора Бахметьева во вмешательстве в деятельность гражданского губернатора Куриса».

² ГБУ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 354. Л. 8.

³ Там же. Л. 7.

⁴ История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981 : Китап. С. 76.

⁵ Там же.

установил А. Н. Зорин, если управление осуществляла дума или канцелярия городского головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы¹.

Начальники полиции уездных городов Бугульмы, Бузулука, Бирска, Мензелинска, Челябинска и Стерлитамака были представлены городничими; Троицка и Верхнеуральска – комендантами. Помощниками городничих являлись частные приставы, а комендантов – полицмейстеры. Ввиду малочисленности населения, уездные города не делились на части, а только на 2 квартала. Поэтому в уездных городах имелось по одному частному приставу и по 2 квартальных надзирателя. Только в Челябинске, где имелся магистрат, в управлении городом участвовали 2 ратмана².

Сложность управления городами Оренбургской губернии заключалась в том, что в них, кроме собственно городских органов власти, имелись и другие ведомства, которые непосредственно в систему городского управления не вписывались. Так, в Оренбургской губернии было 4 гражданских и 4 военных управления, которые не подчинялись губернскому начальству. При жесткой централизованной системе управления в России взаимодействие губернских, уездных и городских органов управления и самоуправления в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. осуществлялось через губернаторов.

Таким образом, особенность проведения реформ местного и городского управления в Оренбургской губернии была обусловлена необходимостью подчинения существующей в Башкирии традиционной системы управления и самоуправления общероссийской системе управления. Поэтому внедрение новых форм управления в Оренбургской губернии было непосредственно связано с изменением статуса городов-крепостей и использованием их в качестве основного звена в ходе административно-территориальных преобразований в крае.

В 1865 г. по указу Александра II Оренбургская губерния была разделена «по хребту Уральских гор, на две особые губернии»: Оренбургскую и Уфимскую. На территории Южного Урала появляется 2 губернских города: Уфа и Оренбург.

Губернские города получают мощный толчок в своем развитии после отмены крепостного права, земской и городской реформ Александра II. К концу XIX столетия губернский город становится не только пунктом сосредоточия административной власти региона, но и флагманом экономической, торговой и промышленной деятельности, а также центром образования и культуры.

Рассмотрим губернские города на территории Южного Урала. Уфа и Оренбург обладали определенными уникальными особенностями. Общим

¹ Зорин П. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 140.

² ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 354. Л. 5–6 об.

признаком для обоих городов можно назвать расположение данных городов в едином, сложившемся веками, культурном, этническом, политическом, экономическом и географическом пространстве Южного Урала. Особенностью являлась административная специализация городов. Оренбург, построенный в XVIII веке с целью освоения и управления вновь присоединенными территориями, вплоть до 1862 г. сохранял значение военной крепости, управляемой военным губернатором. Функция крепости, направленная на освоение и управление территорий, накладывала определенные ограничения, связанные со статусом, и оставила глубокий след в истории изучаемого города, влияние которого можно было проследить и в начале XX века. Уфа же, являющаяся историческим центром Башкирского края, в составе Оренбургской губернии выполняла функцию управления гражданским населением. После деления Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую в 1865 году Уфа стала центром одноименной внутренней губернии Европейской части Российской империи, в то время как Оренбург вновь вернул статус главного города Оренбургской губернии.

В условиях Российского государства важной особенностью губернского города являлось сосредоточение в них властных структур. В губернских городах находились: губернское правление, губернское жандармское управление, судебные органы. Высшим административным органом управления являлось губернское правление, которое состояло из общего присутствия во главе с губернатором и канцелярией, руководимой вице-губернатором.

Губернский центр, относящийся к крупному городу, являлся сложносоставным социальным, экономическим и культурным объектом, который имел и собственную структуру управления. В последней трети XIX века система местного управления города в Российской империи включала городскую думу и управу, которые руководствовались в своей деятельности Городовым положением 1870 г., а затем новым Городовым положением 1892 г.

Как отмечается в монографии И. З. Шаяхметовой, новое «Городовое положение» 1892 г. значительно ограничило самостоятельность органов городского самоуправления, которые были поставлены под контроль государства. Новое Городовое положение явилось лишь редакцией закона 1870 г., так что городские учреждения по-прежнему представляли собой лишь одну из форм государственного, а не общественного управления, отличающуюся от других государственных учреждений только тем, что гласные городских дум избирались. Избирательное право было уделом лишь состоятельных горожан, владевших недвижимым имуществом. Прерогативой местных органов городского управления были, главным образом, финансовые и хозяйственные вопросы. На некоторых заседаниях оренбургской,

да и уфимской городских дум было необычайно многолюдно, так как на них распределялись подряды и «хлебные должности»¹.

Отношение к выборам в Городскую думу было формальным, как к какому-то не слишком важному, но ставшему традиционным ритуалу. В Городовом положении 1892 г. ничего не говорилось о демократических выборных процедурах, даже формальных. Не было даже совещания избирателей для определения кандидатов в гласные думы, то есть выборы были лишены какого-либо значения. Поэтому неудивительно, что в числе гласных в губернских городах из года в год были одни и те же лица. Несмотря на то, что либеральные реформы 60–70-х гг. XIX века были распространены на башкир, татар и другие нерусские народы края и было установлено формальное равенство, однако это «равенство» не соблюдалось. Открытая дискриминация по религиозно-этническому признаку проявлялась в отношении евреев. Они не допускались к участию в городских выборах, а также к занятию должностей в органах городского правления, что в городском положении было закреплено законодательно.

Такое положение было характерно не только для городов Уфимской губернии, но и для других городов России. Отсутствие в стране гражданского общества находило свое зеркальное отражение в устройстве городской жизни, особенно в провинции. Гласные городских дум, хотя они и являлись выборными лицами, рассматривались, обществом и властью как часть аппарата государственного управления. Имущественный ценз, необходимый для избрания в думу, в 1870 – 1917 гг. обеспечивал вхождение в ее состав немногочисленной части дворян, духовенства и наиболее зажиточной части торгово-промышленного населения. Вместе с тем позиционирование гласных городских дум и членов их управ как части аппарата государственного управления приводило к многочисленным конфликтам с коронной администрацией. Представители органов городского самоуправления стремились к значительному расширению компетенции, прописанной в действующем законодательстве, а губернаторы и структуры, подведомственные им, напротив, стремились к ограничению компетентных прав и обязанностей выборных органов. Попытки верховной власти снять эти противоречия или хотя бы смягчить их путем введения нового законодательства не увенчались успехом. Конфронтация между городскими думами и коронной администрацией усилилась. Впоследствии органы городского самоуправления стали превращаться в структуры управления с оппозиционными настроениями. Не случайно, в период революции и Гражданской войны, именно городские думы стали органами управления, к которым апеллировало население в поисках решения повседневных проблем. Состав органов городского самоуправления, после отмены всех сословных

¹ Шаяхметова И. З. Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870 – 1991 гг. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 42.

ограничений в стране, свидетельствовал о значительной доле среди гласных дум и членов управ представителей левых партий¹.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. и без того урезанные, формальные права местного городского самоуправления были фактически поставлены под контроль государства. Если Городовое положение 1870 г. во многом соответствовало организации городского самоуправления, которое существовало в городах Западной Европы, то законы 1890 – 1892 гг. внесли ограничение избирательных прав горожан и усилили вмешательство центральной власти в деятельность органов местного городского самоуправления.

Свободному развитию города препятствовала громоздкая, консервативная бюрократическая система, ориентированная на регламентацию всех сторон общественной жизни и тотальный контроль над городским населением. Верховная власть Российской империи законодательным путем ограничивала систему местного самоуправления, наделив губернатора неограниченными полномочиями на местах. Губернатор являлся важным звеном в сложной командно-бюрократической системе Российской империи.

Но система управления на местах постепенно трансформировалась и эволюционировала. В начале XX века функции губернатора были обширны и разнообразны, в подчинении губернатора находился целый ряд государственных, бюрократических организаций и структур, в том числе и городские органы самоуправления. Но губернатор, обладая неограниченными полномочиями, не всегда физически мог уследить за действиями поднадзорных ему органов. Один документооборот в данных учреждениях насчитывал по несколько десятков документов в день, а на пути решения важных хозяйственных вопросов стояли долгие бюрократические процедуры.

Таким образом, в губернских городах Уфе и Оренбурге происходили схожие процессы, характерные для городов Европейской России конца XIX – начала XX вв. Если к концу XIX в. большинство губернских городов (по типологии того времени) относилось к так называемым «большим городам», то в процессе начального этапа урбанизации России в начале XX в. часть из них, в том числе Уфа и Оренбург, превратились в «крупные» города. Конец XIX – начало XX вв. характеризуется укреплением административно-бюрократической системы, что оказало непосредственное влияние на управление городами и систему городского самоуправления.

Исключительно важное значение имело влияние модернизации транспортной инфраструктуры региона на развитие экономики губернских городов. Строительство железных дорог привело к тому, что губернские

¹ Там же. С.43.

города Южного Урала получили качественное и быстрое дорожное сообщение не только с центральной Россией, но и с юго-восточной и восточной окраинами империи. Выгодное транспортное расположение положительным образом сказалось на торгово-промышленном развитии Уфы и Оренбурга, которые к началу XX века трансформировались в большие торгово-промышленные города Российской империи.

Как в Уфе, так и в Оренбурге быстрыми темпами развивалась городская территория и городская инфраструктура. Так, например, в Уфе возник промышленный район, расположение которого тяготело к железнодорожному вокзалу и пристаням. В городах велось активное строительство: все больше строилось капитальных кирпичных жилых домов и промышленных сооружений, а также общественных и культурных зданий. Мостились улицы, вдоль которых протягивались телеграфные и электрические линии. В самом начале XX в. в городе Уфе появляется водопровод. В соседнем губернском центре, Оренбурге, к уже существующему водопроводу присоединяются новые ветки. В городские думы Уфы и Оренбурга поступают проекты строительства канализационных систем. В Уфе даже планировали запустить городской трамвай. Но несмотря на все вышеперечисленные успехи – внедрение современных для того времени инженерных сетей: водопровода, электрической и телефонной линий – низкий уровень благоустройства, антисанитария, отсутствие водопровода и освещения являлись уделом жителей большинства горожан, населяющих окраины города.

Большую роль в развитии губернских городов играли транспортные коммуникации. В изучаемый период транспортные коммуникации в регионе не ограничивались лишь железнодорожными линиями и гужевыми путями. По территории Южного Урала протекали достаточно крупные водные артерии: реки Белая (Агидель), Уфа (Караидель). Река Уфа впадала в Белую как раз в районе г. Уфы. Если по р. Уфе в основном шел сплавной лес и продукция горных заводов, то р. Белая была пригодна для крупнотоннажного парохозяйства, и в удачные для навигации годы через Уфу проходил достаточно объемный грузопоток. Речной транспорт обладал неоспоримыми преимуществами: был относительно дешев и позволял перевозить негабаритные и объемные грузы.

Как было отмечено выше, важную роль в эволюции губернских городов Южного Урала сыграл железнодорожный транспорт. В 1888 году через губернский центр в Уфу проходила железная дорога. В сентябре 1892 г. был построен и сдан в эксплуатацию железнодорожный путь от Златоуста до уездного города Оренбургской губернии Челябинска.

Уфа фактически оказалась на линии строящейся Транссибирской железнодорожной магистрали. Значимость этого события трудно переоценить, так как Транссиб, по признанию исследователей, являлся крупнейшим государственным проектом рубежа XIX–XX вв.

В отличие же от Уфы Оренбург находился на берегах степной мелководной реки Урал, которая мало подходила для судоходства, и все попытки открытия регулярного пароходного движения до города Оренбурга были обречены на неудачу. В 1876 году до города Оренбурга была проложена первая железная дорога в крае. В конце XIX века Оренбургская железная дорога была выкуплена государством и соединена мостом через Волгу с Самаро-Златоустовской дорогой. Нужно добавить, что это был не единичный случай. Государство проводило крупномасштабную кампанию по железнодорожному строительству, составной частью которой стал выкуп железнодорожных линий у частных владельцев, концессий, на строительство которых оно само в недалеком прошлом и раздавало. К началу XX в. государство стало главным инициатором и организатором железнодорожного строительства. В частности, постройку Ташкентской (Оренбургско-Ташкентской) железнодорожной магистрали также взяло на себя государство. Благодаря привлечению огромных материальных и людских ресурсов, эта железнодорожная линия была построена в рекордно короткие сроки – за 5 лет.

С 1901 по 1905 годы в общей сложности было проложено свыше 1740 верст (1700 км) путей с капитальными зданиями станций депо, мастерскими, церквями. Уже на второй год строительства Оренбургско-Ташкентской дороги 6 июня 1902 года по железнодорожным путям прошел первый поезд. Оренбург вернул значение важнейшего торгового центра на пути в Среднюю Азию, которое город фактически потерял со строительством Среднеазиатской железной дороги в 1880 – 1890-е гг. Уже в период строительства железной дороги в город потянулись денежные потоки, так как любое крупное строительство, тем более современной перспективной транспортной магистрали со всей прилегающей инфраструктурой, притягивает капитал. Косвенно можно судить о возросшей финансово-экономической активности региона, в том числе и города по наполняемости городского бюджета. Уже в период строительства Ташкентской железной дороги (1901–1905 гг.) доходы городского бюджета увеличились, так в 1904 г. приход составил 626146 рублей, против 389896 рублей – 1901 г. Со строительством дороги увеличились объемы торговли в городе: если в 1902 г. торговые обороты на Оренбургском меновом дворе выразились суммой в 4,5 млн р., то в 1909 г. они составили 11 млн р., а в 1913 г. – 15 млн р. Благоприятно отразилось строительство новой железнодорожной линии и на состоянии городской промышленности: если в середине 1890-х гг. в Оренбурге насчитывалось лишь 84 промышленных предприятия с годовой продукцией в 4,6 млн рублей, то в 1903 г. – 110, с увеличившимся до 6 млн рублей объемом продукции.

В начале XX в. многие проекты по развитию железнодорожной сети края были инициированы городскими думами или другими органами местного самоуправления – земскими управами. Начавшаяся Первая миро-

вая война внесла существенные коррективы в дело строительства железных дорог в регионе. Были заморожены многие перспективные проекты, в частности строительство железной дороги из Оренбурга в Орск. На стадии проектных разработок осталась перспективная железная дорога Оренбург–Уфа–Пермь, из-за чего Уфа и Оренбург оказались разделенными в транспортно-географическом отношении. Между этими городами так и не было налажено бесперебойное и качественное дорожное сообщение. Если Уфа оказалась на главном пути в Сибирь, то Оренбург – транзитным пунктом на пути на восток, в Среднюю Азию. Подобная транспортная ориентация, естественно, по-разному влияла на экономические и этносоциальные процессы развития указанных губернских городов.

В целом, в изучаемый нами период наблюдается ускоренное экономическое и промышленное развитие изучаемых городов. Первостепенную роль в успехах развития изучаемых нами городов сыграла транспортная модернизация региона, которая была проведена при активном участии государства. Быстрыми темпами стала развиваться хлебная торговля на пристанях и станции Уфы и железнодорожном пункте отгрузки хлеба в Оренбурге. Так, посредством железнодорожного сообщения из Оренбургской губернии ежегодно направлялось от 5 до 10 млн пудов зерна. Основная часть товарного хлеба отгружалась со станции губернского центра. В урожайные годы вывозили до 7 млн пудов зерна и свыше 3 млн пудов муки с городских мельниц.

В губернских городах Уфе и Оренбурге открывались промышленные и торговые предприятия, развивался рынок кредитно-ссудных операций. Оренбург по-прежнему являлся главным пунктом в торговле со средней Азией. В Уфе же ведущую роль играла внутренняя торговля, в основном регионального, местного значения. В Уфе располагались конторы крупных производителей иностранных фирм, в том числе торгующие промышленным и горно-инженерным оборудованием.

Промышленное производство в Уфе, так же как и в Оренбурге, было развито недостаточно. Единственным крупным предприятием в начале XX в., помимо железнодорожных мастерских, был механический завод Гутмана. Самые квалифицированные рабочие трудились в железнодорожных мастерских, где была очень хорошая для своего времени технико-инструментальная база.

В Оренбурге крупнейшими предприятиями были главные ремонтные мастерские и депо железной дороги. В 1914 г. штат рабочих в них составлял 3000 человек. Губернские города Южного Урала являлись не только экономическими доминантами прилегающей округи, но и к началу первого десятилетия XX в. становились крупными губернскими центрами с населением более 100 тыс. человек с динамично развивающейся экономикой.

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. ознаменовались активным железнодорожным строительством на Южном Урале. Развитие же-

лезнодорожных коммуникаций преобразили рутинно-размеренный ход провинциальной жизни Уфы и Оренбурга. Железнодорожное строительство явилось именно тем толчком, который оказал огромное влияние на экономическое развитие не только губернских городов, но и всего южно-уральского региона.

Особенностью губернских городов Южного Урала был пестрый конфессионально-этнический состав населения. В Уфе и Оренбурге, как и в остальных губернских городах России, преобладало в конфессиональном плане православное, а в этническом плане русское население. Коренное население – башкиры – вплоть до начала XX в. было слабо урбанизировано. Тем не менее шел прирост населения за счет местных мусульман: башкир и татар. Так, в Оренбурге в начале XX в. численность данной группы населения составляла почти 20 % (около 16 тыс. человек), в то время как численность мусульман в городе Уфе была значительно меньше – около 5 тыс. человек. Кроме того, в губернских городах Южного Урала имелась достаточно крупная прослойка горожан, которая традиционно причисляла себя к староверам. Определенную долю жителей составляли лица иудейского вероисповедания, в городах проживали и лютеране.

Оренбург, который изначально был построен в целях развития торговых отношений России с азиатскими странами, естественно, сохранял определенный восточный колорит. Уфа же, как правило, производила на современника впечатление рядового русского губернского центра.

В целом, в Уфе и Оренбурге в начале XX в. наблюдается быстрый рост численности населения. Несмотря на рост численности населения и в других городах края, прослойка горожан на Южном Урале оставалась очень незначительной. Строительство железной дороги, открытие регулярного речного пассажирского сообщения вкупе с пореформенными экономическими условиями способствовали мобильности населения. Миграционный поток, который хлынул в губернские города Южного Урала как из близлежащих, так и дальних губерний, привел к еще большей дифференциации населения. С начала XX столетия начинает возрастать этническая мозаичность населения городов на Южном Урале. Но нужно учитывать, что городское восточнославянское население края оказывало огромное влияние на этнические и этнокультурные процессы в городской среде.

Общий подъем общественно-политического движения в России не обошел и губернские города Южного Урала. В конце XIX в. популярность набирает марксизм. Организуются не только кружки эсеров, но и сыгравших главную роль в событиях октября 1917 г. социал-демократов. В городе Оренбурге помимо запрещенных книг и брошюр издавалась и вполне легальная марксистская литература. Хотя деятельность леворадикальных организаций в губернских городах Южного Урала не выходила за рамки так называемого революционного подполья, однако именно эти силы сыграли ведущую роль в организации народных выступлений на улицах и

площадях, заводских площадках Уфы и Оренбурга в период революции 1905–1907 гг.

В начале XX века в губернских городах Южного Урала под влиянием революционных тенденций возрастает национальное самосознание и общественно-политическая активность мусульманских народов края: башкир и татар. Оренбург становится центром общественно-политической жизни народов Южного Урала и Казахстана.

В 1910-е годы в губернских городах Южного Урала наметился спад общественно-политической активности. Оренбург и Уфа зажили тихой повседневной жизнью. Однако Первая мировая война и последовавшие экономические проблемы: нехватка не только предметов первой необходимости, но и продуктов питания, начавшийся в более чем сотысячных Уфе и Оренбурге голод, вновь накалили социальную обстановку до предела. В Оренбурге, в отличие от Уфы, на этой почве произошли серьезные беспорядки.

В результате анализа этнической и социальной структуры населения рассматриваемых губернских городов Южного Урала можно прийти к выводу о том, что количественный рост численности горожан в Уфе и Оренбурге усилил социальную стратификацию, обусловил дифференцированную структуру населения, его этническое многообразие. Революционные события начала века острую форму приняли именно в губернских центрах, выявив социальные и политические противоречия города.

Одним из характерных особенностей эволюции городской жизни в дореволюционной России было постепенное усиление на протяжении всего XIX века роли полиции и жандармерии.

К числу основных недостатков организации работы полиции следует отнести «крайне недостаточное содержание полицейских чиновников, последствием чего являлось развитие взяточничества»¹ и порядок комплектования полицейских чинов. Полицейские команды комплектовались нижними воинскими чинами из неспособных 2-го разряда. В частности, на должность полицмейстеров определялись отставные за полученные ранения штаб-овер-офицеры. При такой кадровой политике едва ли можно вести речь о надлежащем исполнении возложенных на полицию функций.

Министерство внутренних дел в 1847 г. провело ревизию более половины губерний страны, и только в трех из них функционирование полиции было признано удовлетворительным.

Одна из причин неудовлетворительной работы полицейских органов заключалась в перегруженности полицейских чиновников. Чтобы исправить положение, необходимо было довести обязанности полиции до тех размеров, которые соответствовали бы ее прямому назначению, исключив

¹ Андриянов С. Министерство внутренних дел: исторический очерк. – СПб. : Тип. М-ва внутренних дел, 1902. – С. 270.

посторонние дела. Анализ деятельности полицейских управлений показывали, что полицейские чиновники завалены огромным количеством дел, для исполнения которых у них просто физически не хватало времени.

Численный состав полицейских сил в стране был крайне незначительным. Общая численность уездной полиции в стране к середине XIX в., в целом, не превышала трех с половиной тысяч человек, и лишь менее 50 городов имели утвержденные штаты полиции. Низкое денежное содержание полицейских чинов, не соответствовавшее объему и значимости выполняемой ими работы, обуславливало взяточничество и злоупотребления. Оно же не давало обеспечить полицию кадрами, обладающими необходимым образованием и моральными качествами.

Многие из организационных, кадровых, финансовых и бытовых причин, влияющих на неудовлетворительную работу полиции, были известны правительственным кругам. Однако общий застой в государственном управлении, наблюдавшийся в Российской империи, определял такое положение, когда меры к их устранению не предпринимались. К тому же это требовало значительных финансовых затрат, на которые в то время государственная власть объективно пойти не могла.

Как уже отмечалось, особую роль в исторических судьбах России сыграли буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. Освобождение крестьян в России предопределило целый комплекс преобразований в системе органов исполнительной и судебной властей. Крестьянство в бывшей крепостнической стране получает личную свободу без наличия материальных гарантий этого раскрепощения (без гарантирующей экономическую свободу достаточного количества обрабатываемой земли). В литературе сложилось определенное направление, где отмена крепостного права считается началом революционных преобразований в стране, что, в конечном счете, и привели к Октябрьской революции. Любопытно отметить, что практически к схожим последствиям для развития общества привело развитие событий в другой части света. Одной из причин гражданской войны в США считается стремление руководства страны во главе с А. Линкольном ликвидировать рабство в южных штатах. Возвращаясь к аналогиям с событиями в России, необходимо отметить следующее. И в том и другом случаях наблюдалась любопытная картина, когда определенная часть населения, находившаяся в

зависимости (так называемые домашние рабы), даже после предоставления личной свободы отказывалась покидать своих бывших хозяев. Подобные примеры можно обнаружить как в российской, так и американской художественной литературе. Достаточно вспомнить произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Г. Бичер-Стоун, М. Митчелл. В известном смысле можно утверждать о том, что и в России и в США происходили несомненно параллельные процессы и результатом являлись в какой-то степени схожие последствия.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИЯ ДОИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА В ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ГОРОД.

§ 1. Формирование облика социалистического города в XX в.

Важными проблемами истории городов советской эпохи являются система государственного управления городами, индустриальное развитие, социально-демографическое и экономическое положение дел в городах. Опыт градостроительной политики, планирования социально-экономического развития городов в советский период – как положительный (география размещения городов в соответствии со стратегическими планами государства и потребностями экономического развития страны, размещение отраслей промышленности, образовательных, медицинских и культурных учреждений), так и отрицательный (преобладание промышленных объектов над социальной инфраструктурой, экология города, слабое развитие торговли, коммуникаций и другие сдерживающие факторы в развитии городов) – может быть учтен и использован в стратегическом планировании и прогнозировании социально-экономического развития регионов современной Российской Федерации.

Формирование облика социалистического города в СССР относится к 20–30-м годам XX столетия, к периоду индустриализации и перестройки всей общественно-политической и экономической жизни общества. Город в советский период также продолжал оставаться частью государственной системы. Несмотря на провозглашенную политикой советского государства идею сближения города и села, города продолжали доминировать над селом. Как следствие, именно те сельские поселения, которые находились в непосредственной близости к крупным городам, в экономическом отношении были более развитыми, чем отдаленные села и деревни. В советском государстве сложилась иерархия городов: столица страны Москва, города союзного подчинения, города – столицы союзных республик, областные и республиканские центры, и, соответственно, города областного и республиканского подчинения, рабочие поселки городского типа, города – центры сельских районов. Управление развитием городов в целом и каждого города в отдельности представляло собой многоуровневую систему, совместную сферу деятельности центрального правительства, органов государственной власти и управления союзных и автономных республик.

Мощным толчком для развития городов в СССР явилась политика индустриализации, которая привела к массовому переходу сельских жителей в статус горожан, фактически привела к превращению страны из аграрной в аграрно-индустриальную.

При определенном обобщении подобных модернизационных процессов можно сказать следующее. Многомиллионная масса получившего свободу населения «хлынула» из сельской местности в города. Это можно

назвать или революцией или естественной урбанизацией. В эвентуальном аспекте эти получившие свободу люди стремились к полной независимости (к приобретению гражданских и политических свобод). Говоря далее об определенных аналогиях, следует также обратить внимание на тот факт, что афроамериканское население в США обрело полноправный юридический статус лишь к середине 60-х годов двадцатого столетия, в Советском Союзе население в сельской местности получит возможность на свободу передвижения (паспорт с возможным изменением прописки) десятилетием ранее. Таким образом, можно сказать о том, что на преодоление всех ограничений и в США (афроамериканцы), и в Советском Союзе (жители сельской местности) ушло целое столетие.

Значительная часть сельских жителей, порвав с традиционными условиями существования, так и не смогла «обрести себя» в городской среде. Естественно, что указанная группа заняла маргинальное положение в обществе. Необратимый процесс «вымывания» сельского населения не мог не привести к определенному результату: в городской среде они не смогли получить доступ к тем или иным видам трудовой деятельности, как в силу отсутствия соответствующего образования, так и в силу не востребоваемости их низкой квалификации, связанного с преобладанием в их среде исключительно физического труда. Можно сделать вывод, что в США и в СССР, несмотря на схожие процессы в развитии экономики, произошли серьезные изменения, которые повлияли на дальнейший ход событий.

В США экономический кризис 1929–1932 гг. вынудил значительную часть сельского населения покинуть традиционную среду обитания. А это привело к тому, что в рамках «нового курса» (в рамках реализации общей системы проведения общественных работ) бывшие фермеры и сельскохозяйственные рабочие были вынуждены осваивать новые профессии, повышать уровень своей квалификации. К тому времени в промышленности США существовал благоприятный фон: в некоторых отраслях стал преобладать конвейерный принцип производства. А это не требовало столь высокого уровня подготовки рабочих.

В это же время в Советском Союзе происходят кардинально другие процессы. Партийное руководство во главе с И. В. Сталиным, убедившись в отсутствии у представителей зажиточного крестьянства, производившего основной объем товарного хлеба, желания идти на определенные компромиссы с властью, делает ставку на массовое развитие колхозного строительства в стране. А для этого необходимо было внести ограничения на возможность для крестьянского населения свободно покидать свои населенные пункты.

В отношении освоения целинных земель в научной литературе существуют определенные разночтения. Значительная часть исследователей полагает, что данная проблема рассматривалась и ранее. По свидетельству

Д. Н. Суханова, в 1946 г. председатель Бюро Совнаркома по сельскому хозяйству Г. М. Маленков поднимал вопрос о целесообразности восстановления запущенных и залежных земель. Тот же Д. Н. Суханов свидетельствует о том, что И. В. Сталин в дни своего 70-летнего юбилея во время переговоров с Мао Цзэдуном вел речь и по вопросу возможного освоения целинных земель на Дальнем Востоке нашей страны. Руководитель КНР был готов прислать в страну сотни тысяч представителей китайской молодежи. Однако уже тогда руководитель Советского государства обратил внимание на возможность изменения этнической ситуации в столь обширном регионе. Как пишет Суханов, Сталин, опасаясь образования «китайской колонии», отказался от дальнейших переговоров по поводу подобной помощи и в дальнейшем к этой идее не возвращался.

Говоря в целом о проблеме освоения целинных и залежных земель, можно утверждать, что с этой точки зрения государство совершило определенный поворот на 180 градусов в ходе проведения своей экономической политики. Нам представляется, что Н. С. Хрущев испытывал определенное психологическое стремление преодолеть глубоко антикрестьянский подход бывшего руководителя государства. Вместе с тем он попытался в короткий промежуток времени, когда еще была жива память поколения людей, испытавших на себе тягостные последствия коллективизации, выстроить новую модель государственной политики в отношении сельского хозяйства, и, безусловно, аграриев в целом. Сельское хозяйство было для Хрущева во многом его собственной сферой приложения сил и огромной энергии. Достаточно назвать одну цифру – 11 Пленумов ЦК по сельскому хозяйству за период с 1953 по 1964 гг. Это является очевидным доказательством его многочисленных попыток осуществить действительно аграрную революцию в советской стране, свидетельством его попыток изменить образ мышления партийно-советского руководства.

Н. С. Хрущев подробно говорил и писал о позитивных результатах развития сельского хозяйства в США, Скандинавии. В этой сфере для Хрущева было характерным стремление знать полную картину. В отличие от своего предшественника, Хрущев стремился регулярно посещать сельскую местность, встречаться с работниками аграрного сектора экономики. Отметим, что в результате изменения вектора хозяйственной политики за десятилетие с 1953 по 1963 гг. валовая продукция сельского хозяйства (по официальным данным) возросла в сопоставимых цифрах на 63 %¹. По данным В. Г. Растянникова среднегодовой прирост сельскохозяйственного производства в среднем за десятилетие составил более 5 %. Среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции в «заготовительно-закупочных

¹ Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Статистический ежегодник. – М. : Политиздат, 1966. – С. 260.

ценах» 1952 г. за семь лет (1952–1959 гг.) составлял 7,95 %¹. Подобного роста сельскохозяйственный сектор страны не видел на протяжении последних полутора веков. Подобный экономический рост на селе позволил государству сосредоточить в своих хранилищах значительное количество сельскохозяйственной продукции, которая в кратчайшие сроки могла превратиться в товарную массу. В этом отношении, как нам представляется, постсталинская экономическая деятельность в определенной степени была нацелена, по замыслу ее инициатора, на то, чтобы в какой-то степени приостановить процесс уменьшения удельной доли населения, проживающего в сельской местности.

Хрущевская аграрная политика предопределила определенную результативность лишь в определенном временном отрезке. Это получило отражение и в научной сфере. Подъем аграрных исследований в стране начался лишь после сентябрьского Пленума (1953 г.). До этого времени в силу господствовавших тогда политико-идеологических воззрений аграрная наука не прокладывала путь позитивной политике, а оправдывала существующую практику. Аграрная «теория» вырабатывалась на съездах и Пленумах коммунистической партии, большинство научных работников занималось разработкой путей реализации партийных установок. Отношение Хрущева с учеными-аграрниками носило сложный характер главным образом по этой причине. Он не мог в своей аграрной политике в полной мере опереться на научные разработки и проигрывал в принятии стратегических решений, оставаясь «непревзойденным мастером кратковременного эффекта»².

В Советском Союзе в 50–60-е годы продолжалось, при определенном снижении оборотов, качественное изменение показателей занятости и расселения населения. Миграция сельских жителей в города и на многочисленные «ударные стройки» составляла около 2 млн человек в год. Таким образом, в этот период из деревень в города переселилась 1/5 населения страны. Если в 1939 г. в городах СССР проживало 60,4 млн человек, то к 1959 г. городское население страны насчитывало уже более 100 млн человек.³

В результате подобных процессов за эти годы кардинальным образом изменилась картина с показателем плотности расселения жителей в сельской местности. Почти везде этот показатель снизился: в Центральном, Центрально-Черноземном районах и Поволжье почти на треть, в Центральной части Европейской России – почти вдвое. Очевидно, что подавляющее большинство выезжавших сельских жителей, в большей степени,

¹ См.: Растянников В. Г. Особенности экономического роста в аграрном секторе России в 30-90-е годы XX в. // *Вопр. статистики*. 2002. – № 8. – С. 45.

² См.: Бенедиктов И. А. О Сталине и Хрущеве // *Молодая гвардия*, 1989. – № 4. – С. 42–43.

³ *Население СССР: Справочник*. М. : Политиздат, 1983. С. 22.

стремились к проживанию вокруг быстро растущих городов. К тому же в указанный период статус городских поселений получили множество районных центров, а также многие поселки железнодорожных станций, поселки при фабриках и заводах¹. Таким образом, уже к началу 60-х годов СССР был среди стран, в которых доля городского населения превысила половину населения².

В 1957–1966 гг. ежегодно ликвидировалось около 10 тыс. уже укрупненных ранее колхозов³. Одновременно многие колхозы «для укрепления» были преобразованы в совхозы. Подобная практика вела к дальнейшему разрушению традиционного крестьянского уклада, превращению колхозника в наемного сельскохозяйственного рабочего. К 1963 г. осталось лишь 39 тыс. колхозов⁴ вместо 87 тыс. в 1955 г.⁵ К началу 60-х годов в ходе составления планов землеустройства многие тысячи сел и деревень были названы «неперспективными». Сотни тысяч крестьян покинули землю, переехав в города. За 1960–1964 гг. почти 7 млн человек уехали из деревни⁶.

В 1988 г. на XIX партконференции был официально провозглашен курс на создание правового государства, на разделение властей, на передачу власти Советам. В результате роль лидеров советов всех уровней стала стремительно возрастать. Они впервые стали независимыми от партийных органов. Хотя номенклатура демонстрировала сопротивление всяким реформам, но, приученная за годы советской власти к беспрекословному подчинению, стремилась приспособиться.

Кризисные явления системы местного управления в городах стали проявляться еще до Великой Отечественной войны. В 1941 – 1945 гг. штаты отделов горисполкомов были сокращены, а сами они превратились в чрезвычайные оперативные органы⁷. С 1939 по 1947 гг. выборы в горсоветы не проводились, в этот период все функции управления городами были сосредоточены в руках горкомов партии и горисполкомов советов. Великая Отечественная война способствовала оформлению правила, при котором горисполком в лице председателя, заместителя председателя совместно с отделом кадров обязательно в присутствии председателя горкома партии утверждал кандидатуры потенциальных кадровых сотрудников и выдвиженцев при существовавшей одномандатной избирательной системе.

¹ Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. – М. : ОГИ, 2001. – С. 239.

² Синявский А. С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе. – М. : Наука, 2003. – С. 117.

³ Пыжиков А. Хрущевская «оттепель». – М. : Олма-пресс, 2002. – С. 83.

⁴ Народное хозяйство СССР в 1965 г. М. : Политиздат 1966. С. 257

⁵ Народное хозяйство СССР в 1960 г. М. : Политиздат, 1961. С. 361.

⁶ Попов В. П. Второй и важнейший этап: (об укрупнении колхозов в 50-е – нач. 60-х годов) // Отечественные архивы. 1994. – № 1. – С. 35.

⁷ НАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 32; Д. 33; Д. 39; Д. 40; Д. 41.

Парадоксальность ситуации очевидна, поскольку о народном представительстве в таком случае можно говорить лишь условно.

Сегодня сельская местность по-прежнему считается недостаточно привлекательной для проживания. На заседании Госсовета, состоявшемся в апреле 2014 года, В. В. Путин привел печальные цифры: за последние 15 лет количество сельских жителей в стране сократилось на 3 миллиона человек. Газета «Комсомольская правда» подчеркнула при этом: «люди бегут в города из-за неустроенности глубинки. В том числе и в плане транспорта. Стоит ли удивляться, если при таком подходе еще через 15 лет мы обнаружим, что в России совсем не осталось села».¹

Подобной участи не избежали и другие государства. В февральском номере «The New York Times» (February, 2, 2014) в статье с характерным заголовком «Когда исчезают деревни, исчезает культура» Ян Джонсон пишет о том, что «быстрая урбанизация приводит к тому, что деревенская жизнь (основа китайской культуры), исчезает по нарастающей, а вместе с ней, традиции и история». Причем все это происходит с ужасающей скоростью. В 2000 году в Китае насчитывалось 3 млн 700 тыс. деревень, а в 2010 г. эта цифра снизилась до 2 млн 600 тыс. Тяжело читать подобные цифры, но они со всей очевидностью говорят о том, что в этой огромной стране каждый день исчезало около 300 (!) деревень. Причем руководство страны традиционно приравнивало урбанизацию к неизбежным последствиям модернизации и экономического роста. Для местных властей это также было выгодным, так как продажа прав на землю в сельской местности представляла собой возможность компенсировать слабую налоговую базу. К тому же изгнание жителей и предоставление различным фирмам земли под долгосрочную аренду позволяло местным властям не только сбалансировать бюджет, но и пополнить свои карманы. До сих пор в этой стране расследуются многочисленные факты коррупционных деяний должностных лиц, связанных с продажей земель в сельской местности.

К тому в этом явлении есть своя психологическая составляющая подоплека. В Китае, как и, впрочем, во многих странах мира, назвать человека «фермером» все равно, что дать ему оценку как «отсталому и безграмотному». Надо отдать должное властям Китая, в стране озаботились сохранением обширного культурного наследия страны. Ученые в рамках гигантского правительственного проекта подготовили каталог из 9700 конкретных видов «неприкосновенного культурного наследия» страны. В список этих традиционных ценностей входят танцы, песни, ритуалы, искусство борьбы, национальные блюда и театр. 80 % этого наследия берет начало из сельской местности. Подобные примеры отчетливо демонстрируют, что процессы урбанизации во многом берут свое начало с обыкновенного стремления сельского жителя сменить образ жизни.

¹ Комсомольская правда. 3 июня 2014 г. С. 14.

Значительное внимание проблемам взаимоотношений развития городов и вызовам модернизации уделяется в исследованиях, проводимых в странах Западной Европы.

Говоря об особенностях развития городов в Советской России, необходимо обратить внимание на следующие факторы. Преобразование населенных пунктов в города производилось согласно постановлению Президиумам Верховного Совета РСФСР. Порядок установления и изменения городской черты определялся законодательством РСФСР. Образование городских районов производилось постановлением Президиума Верховного Совета Башкирской АССР, с утверждения Президиума Верховного Совета РСФСР, исходя из численности и интересов обслуживания населения города. Установление и изменение границ районов в городе производилось городским Советом с учетом мнения соответствующих районных в городе Советов народных депутатов.

В Советском Союзе планирование являлось основой ведения административно-командной экономики, что ярко проявилось на примере городов Башкирской АССР. Плановые органы были составной частью центрального государственного аппарата и органов управления на местах.

Наименование и переименование городов и городских районов производилось в порядке, установленном законодательством Союза ССР и РСФСР¹.

В 1945–1985 гг. в Башкирской АССР происходило бурное социально-экономическое развитие городов. Отсутствие удобных строительных площадок для размещения объектов промышленного и гражданского строительства и рост численности городского населения городов предполагали территориальное расширение границ городской черты городских населенных пунктов.

Развитие черной и цветной металлургии, зарождение нефтяной промышленности в республике привели к расширению сети городских поселений и росту городского населения. К 1970 году сложилась устойчивая городская сеть в Башкирской АССР, охватившая практически все ее регионы, которые составляют современный облик городов Республики Башкортостан.

Следует отметить, в 70-х гг. темпы роста численности городского населения в Башкирской АССР были несколько выше, чем в среднем по СССР и РСФСР². Однако в последующие годы темпы расширения сети городских поселений и увеличение численности городского населения в

¹Денисламов Т. Г. Город как объект управления в РСФСР в 1970–1980 гг. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.) / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. Е. В. Годовой, С. В. Любичанковского. – Оренбург, 2012. – С. 280–289.

²Галин Р. А., Галина Л. Л. Население Республики Башкортостана: динамика и особенности формирования. Уфа : Китап, 1996. С. 28.

Башкортостане стали замедляться, как и в целом по стране. Это было связано с тем, что важнейшие отрасли добывающих отраслей (нефтяная, газовая, угольная, меднорудная) достигли стадии максимально возможного уровня своего развития, за которой наметилось сокращение добычи топлива и сырья.

Интересны в плане анализа последствий урбанизации для Башкортостана результаты исследований уфимских ученых Р. Р. Галлямова и Р. Ф. Гатаулина. В своем исследовании они исходят из констатации факта, согласно которому в России, как в стране традиционно аграрной, интенсивная урбанизация началась только с началом XX века. Это отличает нашу страну от Европы, где городская цивилизация охватила к этому времени уже полностью всю территорию. Это и привело к тому, что уже в Советском Союзе (особенно в 1930–1970-е гг.) темпы роста городов и городского населения стали значительно опережать мировые показатели.

Следует обратить внимание на тот факт, что по материалам шести Всесоюзных переписей (1926–1989 гг.) городское население СССР увеличило свою долю в общей массе населения почти в 4,5 раза. В целом, нами еще в конце 1980-х годов на основе анализа разнообразных статистических и социологических данных было доказано, что в нашей стране, начиная с 1930-х годов сформировался и практически до конца прошлого столетия доминировал феномен сверхурбанизации. Этот социально-территориальный процесс, вызванный к жизни реализованной в тот период сверхиндустриализацией, основывался на преобладании следующих тенденций социально-пространственного развития: во-первых, на необоснованном нарастании существенных различий между деревней и городом в пользу последнего (за счет буквального «выжимания» из села людских, финансовых, материальных и продовольственных ресурсов); во-вторых, на разрушении объективно заданного и гармоничного развития собственно социально-территориальной системы городов (стремительный рост крупнейших и крупных городов в ущерб развитию мелких и средних); в-третьих, на фактическом отрицании социального содержания городской жизнедеятельности, когда возведение объектов социальной инфраструктуры либо вообще игнорировалась (горожанам предоставлялась возможность самим решать эти вопросы), либо де факто было сведено к минимально возможным показателям. Все это, в конце концов, привело к тому, что действующие архитектурные стандарты и реализуемое градостроительное проектирование привели к формированию города не как автономного организма, а как поселения городского типа при индустриальном объекте.

К концу XX века на всей территории постсоветского пространства процесс сверхурбанизации инерционно сохранил свое воздействие на социально-территориальное развитие общества. Например, как показывает анализ статистических данных, на рубеже веков сохраняется и даже усиливается тенденция к сверхцентрализации населения в крупнейших и круп-

ных городах на всем постсоветском пространстве. Это значительно усиливает деформацию всей системы расселения в стране в целом. Например, если в так называемых «больших городах» численностью от 100 до 500 тысяч человек только за десять последних «советских» лет (1979–1989 гг.) население выросло на 9 %, то в крупных городах (от 500 тысяч до 1 миллиона человек) оно увеличилось на 18 %, а в «крупнейших» городах (населением свыше миллиона человек) – даже на 29 %. При том, что все городское население страны выросло на данный период только на 4 % .

Анализ региональных особенностей сохранения инерционного воздействия сверхурбанизации показывает, что, например, в таком российском регионе, как Башкортостан, урбанизация происходила более ускоренными темпами, в том числе – по причине значительно более низкого уровня урбанизированности, сохраняющегося вплоть до военного времени. Так, еще в середине 1920-х годов горожане в Башкирии составляли в два раза меньше жителей (9 %), чем по стране в целом (18 %). Даже накануне Второй мировой войны доля городского населения в республике, несмотря на развернувшуюся по всей стране сверхиндустриализацию, оставалась ниже показателей страны середины 1920-х годов (17,1 %). Можно утверждать, что урбанизация в Башкирии, слегка подстегнутая военной эвакуацией промышленности и населения, наиболее высокими темпами начала развиваться лишь с середины 1950-х годов в связи с развертыванием мощного индустриального строительства мирового уровня нефтедобывающих, нефтехимических и машиностроительных предприятий. Именно поэтому концентрация жизнедеятельности в крупных и крупнейших городах в Башкортостане проявляется еще явственнее, чем по стране в целом. Например, население крупнейшего города и столицы Башкирии – Уфы – только за тридцать лет (1959–1989 гг.) увеличило свою долю с 16,28 % до 27,39 % в общей численности республики, достигнув почти трети от республиканского населения.

Население второго по значимости агломерационного образования республики (Стерлитамак – Салават – Ишимбай) увеличило за тот же период свою долю применительно ко всему населению с 6,57 % до 12,88 %. Таким образом, инерционное воздействие сверхурбанизации в Башкортостане сохраняет еще большее влияние, чем по стране. Несмотря на то, что статистически за период между двумя Всероссийскими переписями (2002 и 2010 годов) уровень урбанизированности населения Башкирии снизился, при продолжающемся росте абсолютного и относительного числа горожан в республике, на наш взгляд, реальный процент городского населения составляет здесь около 65–66 % .

Основной причиной данного статистического парадокса является то, что в результате проведенной в 2003–2005 гг. муниципальной реформы десятки населенных пунктов Башкирии, имевших ранее статус «поселков городского типа» (Чишмы, Иглино, Красноусольск, Раевка, Семилетка, Кан-

дры и др.), были переведены в разряд сельских поселений, хотя по численности и по преобладающей хозяйственной деятельности относятся к малым городам. Такой «перевод» фактических городских поселений в сельские, естественно, уменьшил урбанизационные показатели в Башкирии.

Наряду с концентрацией населения в крупных и крупнейших городах в Башкортостане в 1970-е гг. сформировался еще один рецидив сверхурбанизации. В этот период получило широкое распространение такое явление, как массовое строительство системы «ведомственных» общежитий промышленными предприятиями и различными ведомствами, расположенными в городах. В городах сосредотачиваются культурно-просветительские, учебные, лечебные учреждения, а также административные, общественные, кооперативные, спортивные, торгово-снабженческие, транспортные и другие организации, которые обслуживают население и хозяйство не только данного города, но и окружающих сельских и городских поселений. Это безусловно способствовало появлению, наряду с градообразующими отраслями, и градообслуживающих отраслей.

Анализ градостроительных процессов 1960–80-х гг. в Башкирской АССР показывает, что большие объемы жилищного строительства, размещаемого крупными массивами микрорайонов, жилых районов и вводимого в короткие сроки, вносят существенные изменения в конфигурацию планов городов, во взаимосвязи жилых районов с основными местами труда, в планировочную структуру городов в целом.

Активное развитие различных отраслей экономики, размещение крупных нефтеперерабатывающих и химических комплексов, металлургических и машиностроительных мощностей в городах способствовало росту городского населения, что потребовало увеличения объемов жилищного строительства. Для достижения данных целей укреплялась индустриальная и материальная база строительства, увеличивалось производство необходимых строительных материалов.

Партийные и государственные органы власти уделяли большое внимание развитию и благоустройству городов, системе жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения, так как это являлось уровнем социально-экономического благополучия и повышения уровня жизни ее населения. Основными проблемами городского хозяйства были стабильное обеспечение жильем населения, решение вопросов благоустройства и жилищно-коммунального и бытового обслуживания граждан и других потребителей, в том числе объектов производственной и социальной инфраструктуры, которые решались постепенно с течением времени и развитием технологий в сфере жилищно-коммунального хозяйства. В целом в 1945–1985 гг. шел интенсивный процесс урбанизации как в стране, так и в Башкирской АССР. Именно в данный период возникла большая часть городов БАССР, которые составляют современную основу городов Республики Башкортостан.

§ 2. Города России в XXI в.: историко-правовой аспект

Современный город, сосредоточивший в себе все основные признаки человеческой цивилизации, является не только важным показателем общественного прогресса, но и влияет на темпы и пути его дальнейшего развития. Вместе с тем все более обособляясь от села и обретая свою сущность, город необратимо обнажает самые разнообразные комбинации противоречивых явлений. Так, по мере развития городской промышленности и городского хозяйства одной из самых острых проблем становится социально-экономическое положение и правовой статус городского населения.

Высокая степень урбанизации общества – это один из явных признаков современности. Этот процесс происходит неравномерно. Мировые мегагорода, население которых превышает 25 млн человек, и крупные городские агломерации сосуществуют с небольшими городскими поселениями, находящимися в самом начале процесса урбанизации. Показательно то, что именно Россия отличается неповторимым многообразием городов как по уровню социально-экономического развития, так и по размерам. Так, в Тульской области находится самый маленький город мира – Чекалин (бывший Лихвин) с населением около 990 человек, а Москва входит в число 10 крупнейших городов мира. По официально установленным критериям, города России по численности населения подразделяются на 5 категорий: крупнейшие, крупные, большие, средние и малые. Крупнейшие – это города-миллионеры с населением более 1 млн человек, крупные – это города с населением от 250 тыс. до 1 млн человек, большие – это города с населением от 100 до 250 тыс. человек, средние – это города с населением от 50 до 100 тыс. человек. Малыми городами по общепринятой классификации являются города с населением от 12 до 50 тысяч человек. По некоторым данным 3/4 российских городов относятся к категории малых городов. Однако не всякое поселение, имеющее 12 тысяч жителей, может называться городом. Кроме численности населения для перехода в статус города оно должно иметь градообразующее промышленное или иное предприятие: например, предприятие по переработке сельскохозяйственной продукции.

Многочисленная категория российских городов на современном этапе представлена так называемыми малыми городами. Малый город по общепринятому определению – это город областного, краевого или республиканского подчинения; в подавляющем большинстве случаев – районный центр или поселок городского типа. В иерархии городов малый город имеет четкое положение в структуре территориальных образований – это город третьего уровня, но для обширного пространства сельских населенных пунктов малые города являются важным объектом, организующим и консолидирующим это пространство, моделирующим духовно-образовательную культуру всего района.

Большинство малых городов России, так называемые исторические города, возникли и развивались естественным образом. Особое место занимают малые города федерального подчинения, возникшие в советское или в постсоветское время, не являющиеся районными центрами и существующие лишь в границах города. Они являются исключительно новообразованиями советского периода, имеющими оборонное значение. Некоторая их часть была переведена в категорию наукоградов. Те же города, в которых военно-промышленное производство сократилось или прекратило свое существование, в настоящее время вынуждены приспособляться к условиям гражданской жизни, определить свое место на рынке труда и услуг. Такие города ныне отнесены к категории монопрофильных муниципальных образований (моногородов) с критическим состоянием социально-экономического развития. Наиболее успешно развиваются те города, которые прежде были связаны с оборонной промышленностью, но, выйдя из закрытой зоны стали районными центрами. В них создаются благоприятные предпосылки и перспективы для полноценного развития всей окружающей территории. Таким образом, основой многочисленной категории малых городов являются на территории современной России районные центры.

Есть еще одна категория административных образований, которую ошибочно относят к малым городам – это поселки городского типа. Значительная часть поселков городского типа своим формированием обязана каким-либо местным фабричным или заводским производствам. Как правило, это поселки, численность населения в которых не превышает 10–12 тысяч человек. Собственно городом они в России не являются. Для перехода в категорию города поселку городского типа требуется, кроме численности, выполнить ряд серьезных условий, связанных с качеством формируемой им городской среды¹.

Если в западных странах небольшие города являются частью крупных городских конгломераций, то в силу специфики исторического развития нашей страны малые города России в подавляющем большинстве случаев представляют собой районные центры областного, краевого или республиканского подчинения. В урбанистической системе страны малые города занимают промежуточное положение между селом и крупными городами. В территориальной структуре государства они формируют базовую сеть поселений, сочетающих традиционный сельский и городской образы жизни. Именно это обстоятельство, как нам представляется, является гарантией их устойчивости в эпоху глобализации, когда многие средние и большие города находятся в состоянии глубокого социально-экономического кризиса.

¹ Малые города России. URL: http://geolike.ru/page/gl_3440.htm (дата обращения: 27.02.2019).

Вышесказанное проиллюстрируем на примере Республики Башкортостан, одной из крупных административных образований современной Российской Федерации. В настоящее время в ней насчитывается 21 город. Столица республики Уфа, основанная в 1586 году в виде небольшой крепости как символ присутствия русской администрации в Башкирском крае, ныне относится к разряду крупнейших городов-миллионеров России: по данным Росстата на 1 января 2018 г. в Уфе проживал 1120547 человек. Вторым по значимости городом республики, отнесенным к разряду крупных городов, является Стерлитамак: по данным Росстата в 2017 г. его население составляло 280551 человек. 3 города (Салават, Нефтекамск и Октябрьский) относятся к разряду больших городов. 7 городов (Туймазы, Белорецк, Ишимбай, Сибай, Кумертау, Мелеуз и Белебей) – к средним. Остальные 9 городов (Бирск, Учалы, Благовещенск, Дюртюли, Янаул, Давлеканово, Баймак, Межгорье, Агидель) являются малыми городами, с численностью населения в каждом из них менее 50 тысяч человек.

Каждый из этих малых городов имеет неповторимую судьбу. По возрасту самым старшим среди них является город Бирск. Он был построен в 1667 г. как крепость и длительное время считался «пригородом» г. Уфы. В отличие от Бирска, который еще в XVII–XIX вв. назывался городом, все остальные малые города республики выросли из сельских поселений. Следующим по времени был город Благовещенск. Он возник как горнозаводское поселение в 1756 г. при Благовещенском медеплавильном заводе, с 1932 г. являлся рабочим поселком, в 1941 г. стал городом. Происхождение Баймака было связано с открытием месторождений золота и меди в конце XIX века. В 1913 г. был построен Баймакский медеплавильный завод. Уже в советское время в 1938 г. он получил статус города. Город Давлеканово вырос из села, расположенного на пересечении транспортных коммуникаций. В 1928 г. он стал поселком городского типа, а с 1942 г. – городом. Учалы как город был образован в 1963 г. путем слияния двух поселков Малые (1943 г.) и Новые (1960 г.) Учалы, возникших при освоении Учалинского медноколчеданного месторождения. Город Дюртюли вырос из села в связи с открытием нефтяных месторождений. В 1964 г. он получил статус поселка городского типа, в 1989 г. – статус города. Таким образом, большинство малых городов на карте Башкортостана появилось в советское время благодаря потребностям промышленного развития региона.

Следует выделить города, которые возникли в постсоветское время. Это: Янаул, Агидель, Межгорье. Город Янаул с 1938 г. был рабочим поселком, и только в 1991 г. обрел статус города республиканского значения. Город Агидель появился в 1980 г. в связи со строительством атомной электростанции как поселок, а в 1991 г. был возведен в ранг города. Особое место занимает в этой группе малых городов Межгорье. Город Межгорье образован в 1995 году Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 1995 года и имеет статус закрытого административно-территориального

образования (ЗАТО)¹. Он расположен у предгорья самой высокой горы Южного Урала Ямантау, где прежде находились башкирские деревни Татлы и Кузьелга.

Малые города играют большую роль в социально-экономическом развитии Республики Башкортостан. Все перечисленные выше города являются административными центрами муниципальных образований – районов. В основном они живут за счёт местных ресурсов, обслуживая потребности прилегающей территории, тесно связаны с аграрной периферией. При этом они являются частью сложного взаимосвязанного единого экономико-хозяйственного механизма республики, ресурсной базой, обеспечивающей стабильное развитие всего региона. Трудно переоценить роль малых городов в сохранении культурных традиций народов, проживающих в данном регионе.

Исследователи проблем малых городов России М. С. Агафонова и О. В. Корольчук также отмечают, что «малые города России – это не только совокупность проблем. У каждого малого города свой неповторимый уклад жизни, свой облик, свой силуэт, оригинальная мысль и память. Малые города России уникальны. Их памятники культуры, местный колорит составляют пока еще не понятый российской экономикой мощный ресурс развития»². От крупных мегаполисов, которые в эпоху глобализации вынуждены сконцентрироваться в основном на финансово-экономической деятельности, малые города действительно отличаются своей уникальностью и неповторимостью.

Тем не менее, одной из важнейших проблем современной России становится проблема сохранения и развития малых городов. Многие не только малые, но и средние города, в связи с сокращением их социальных функций попали в разряд так называемых моногородов.

Перечень моногородов сформирован в соответствии с критериями отнесения муниципальных образований к монопрофильным с учётом категорий монопрофильных муниципальных образований в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения (утверждены постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 года № 709)³

Моногорода распределены на три категории в зависимости от степени ухудшения складывающейся в них социально-экономической ситуации, в том числе во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующей организации. Так, к категории 1 (с наиболее сложным социально-

¹ Официальный сайт администрации ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан URL: http://www.mezhgorie.ru/?part_id=122,1719 (дата обращения 02.03.2019)

² Агафонова М. С., Корольчук О. В. Проблемы развития малых городов в России // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – № 7–2. – С. 125. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=34410> (дата обращения: 24.02.2019).

³ Официальная информация органов государственной власти. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 27.02.2019).

экономическим положением) отнесено 75 моногородов; к категории 2 (с имеющимися рисками ухудшения социально-экономического положения) – 149 моногородов; к категории 3 (со стабильной социально-экономической ситуацией) – 89 моногородов.

Из городов Башкортостана в первую категорию монопрофильных муниципальных образований с наиболее сложным социально-экономическим положением вошли Белебей и Кумертау, а в третью категорию – Нефтекамск, Белорецк, Благовещенск и Учалы¹. Как видно из этого перечня, угрозе ухудшения социально-экономической ситуации более подвержены средние (Белорецк, Белебей, Кумертау) или большие (Нефтекамск) города с большей численностью населения. Из 9 малых городов только 2 (Благовещенск и Учалы) вошли в третью категорию моногородов «со стабильной социально-экономической ситуацией». Кроме того, три города (Агидель, Сибай и ЗАТО Межгорье) были приравнены к монотерриториям.

В целях сохранения историко-культурного наследия малых городов есть необходимость присвоения им статуса исторических городов². К историческим городам, как правило, относят «поселения городского типа, прошедшие значительный во времени путь развития, имеющие ценные в историческом, художественном и градостроительном аспектах памятники, ансамбли и комплексы городской застройки, природные ландшафты, интересные образцы древней планировки, а также культурный слой, представляющий археологическую ценность»³.

Некоторые исследователи, исходя из туристической привлекательности поселений, к историческим городам относят 5 городов нашей республики. Это: Уфа, Бирск, Белебей, Белорецк, Стерлитамак⁴. Однако, будем справедливы, ни один из этих городов не входит в перечень исторических городов России. Более того, большинство из них, кроме Бирска, не соответствует требованиям, предъявляемым к историческим городам.

27 марта 2011 года в г. Костроме по инициативе Совета Федерации состоялся III парламентский форум «Историко-культурное наследие России», посвященный проблемам исторических городов. Основными задачами форума являлось привлечение внимания законодательных и исполнительных органов государственной власти всех уровней к проблеме сохра-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р. URL: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 27.02.2019).

² Гончарук Д. Рыбаков предложил разработать критерии присвоения статуса историческим поселениям // Парламентская газета. 12 сентября 2019 г.

³ Понятие исторический город, категоризация городов по состоянию архитектурно-градостроительного наследия. Основные критерии оценки архитектурного наследия URL: <http://ignorik.ru/docs/index-2715929-33.html> (дата обращения: 01.03.2019)

⁴ Матвеева Л. Д., Котова Т. П., Лебедев А. И. Исторические города Башкортостана как важный туристический ресурс // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 81–91.

нения культурного наследия исторических городов Российской Федерации, разработка и принятие новых законодательных актов по вопросам их сохранения¹. В 2014 году приказом Министерства культуры Российской Федерации от 27 марта 2014 г. № 534 был утвержден порядок включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения². Данный документ регулирует процедуру включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны и границ территории. Отмечается, что населенный пункт может быть включен в перечень исторических поселений федерального значения по предложению органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципального образования, а также общественных объединений, осуществляющих деятельность в сфере сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия. При этом одним из главных оснований для отказа во включении населенного пункта в перечень исторических поселений является «отсутствие в границах населенного пункта объектов культурного наследия федерального значения, представляющих собой ценность с точки зрения архитектуры и градостроительства»³. В 2005 году был издан Закон Республики Башкортостан «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Республики Башкортостан» от 7.11.2005 г. № 224-з., который определял порядок включения поселений в перечень исторических городов регионального значения⁴.

В заключение следует отметить, что становление рыночных отношений, формирование новых форм хозяйствования оказывают непосредственное влияние на развитие городов. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что даже в условиях экономической стагнации в стране малые города имеют определенный запас прочности, что следует учитывать при разработке государственных программ, направленных на выработку стратегии развития республики на ближайшие десятилетия. Правительство предпринимает меры для решения социально-экономических проблем города. В частности, один из путей решения данной проблемы: создание в границах моногородов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). В конце 2016 года в соответствии с Федеральным законом от

¹ Исторические города России: сохранение и развитие. Аналитический доклад. М. : Издание Совета Федерации, 2011. – 122 с.

² Российская газета – Федеральный выпуск № 6403 (131).16 июня 2014 г.

³ Там же.

⁴ Постановление Правительства РФ от 8 ноября 2013 г. N 1005 "О банковских гарантиях, используемых для целей Федерального закона "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" (с изменениями и дополнениями) URL: <https://base.garant.ru/17759882> (дата обращения: 03.03.2019).

29 декабря 2014 года № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» постановлениями Правительства Российской Федерации были созданы ТОСЭР в границах моногородов Белебей и Кумертау. В 2019 г. постановлениями правительства РФ от 12.02.2019 г. № 121, № 127, № 129 были созданы территории опережающего социально-экономического развития в границах городов Белорецк¹, Благовещенск² и Нефтекамск³. Эти меры, несомненно, будет способствовать диверсификации экономики городов, снижению зависимости от градообразующего предприятия, повышению инвестиционной привлекательности, созданию новых рабочих мест, что создаст условия для дальнейшего развития городов республики.

ГЛАВА 3. ГОРОД И ПРОЦЕССЫ МОДЕРНИЗАЦИИ (МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ) В XXI В.

Урбанизация, которая, по нашему мнению, является базовой в процессе модернизации в XXI веке. Фактически во второй половине XX – начале XXI вв. форсированными темпами происходило становление мировой городской цивилизации⁴. Если в этом ключе будем рассматривать территорию России, то большинство регионов, за исключением центра, западной и северо-западной областей, собственной исторической традиции урбанистической жизни не имело. Упоминаемые в исторических документах и исследованиях «города» древности не могут считаться таковыми. Наличие укреплений еще не делало из поселения города. Здесь, возможно, сказывалось долгое отсутствие потребности в таковых у автохтонных народов.

Урбанизация, начавшаяся в России в конце XIX в. и в начале XX столетия охватившая в связи с политикой индустриализации в СССР национальные регионы, одновременно являлась формой и процессом модернизации. В последние десятилетия появились фундаментальные исследования, которые были направлены на определение места культуры в процесс модернизации городов. Одним из значительных выводов проведенных исследований стал вывод о том, что культура, не как одномерная со-

¹ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Белорецк» (Республика Башкортостан). URL: <http://government.ru/docs/35740/> (дата обращения: 28.02.2019).

² О создании территории опережающего социально-экономического развития «Благовещенск» (Республика Башкортостан). URL: <http://government.ru/docs/35746/> (дата обращения: 28.02.2019).

³ О создании территории опережающего социально-экономического развития «Нефтекамск» (Республика Башкортостан). URL: <http://government.ru/docs/35748/> (дата обращения: 28.02.2019).

⁴Синявский А.С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные институциональные аспекты). – ВТЭ №1 – 2019. – С. 136.

ставляющая или инструмент для достижения внешних целей, может занимать различные позиции и играть широкий спектр ролей этом контексте.

В своем исследовании «Вклад культуры в модернизацию Великобритании: изучение свидетельств» (2004 г.) Грэм Эванс и Филлида Шоу отметили три различные плоскости соприкосновения культуры и модернизации городов. Сюда входит такое понятие как «регенерация, основанная на культуре» (например, культура как катализатор и двигатель модернизации, через значительные в культурном и историческом плане здания или художественные проекты, среди прочего) или «культурное возрождение». Это предусматривает полную интеграцию культуры в региональную стратегию, где она воспринимается как нечто неразрывное в образе жизни, при этом используя и занимая определенное социальное пространство. Рассматривается также аспект «культура и возрождение» (при котором культурные мероприятия или проекты иногда могут быть представлены в контексте процесса регенерации, но не являются неотъемлемой частью проекта). Именно в этом смысле Джонатан Викери (Jonathan Vickery, 2007 г.) предложил «модернизацию руками художника», а именно процесс, который привел бы к появлению художественных площадок и может стимулировать создания новых социальных групп посредством создания студий художников и галерей в заброшенных когда-то городских кварталах¹.

На уровне Европейского Союза культурная составляющая модернизации городов исследовалась в рамках структурных фондов. В исследовании, проведенном Европейским комитетом КЕА по поручению Европейского парламента (2012 г.), был отмечен ряд областей, в которых можно было бы облегчить процесс «перекрестного опыления» между культурой и другими секторами. Тем самым это способствовало бы «творческим переживаниям» и инновациям, основанным на культуре, что делает роль местных и региональных органов управления особенно важными» (КЕА 2012 г.). Среди областей, в которых можно было обнаружить эти «творческие побочные эффекты», была регенерация, основанная на культуре, которая может «помочь» маркировать «города и регионы для привлечения туристов, компаний и инвесторов или сохранить местные таланты», выступить тем самым в качестве рычага для территорий. Одновременно это будет способствовать социальной интеграции путем восстановления заброшенных объектов и повторной интеграции социально оставленных без внимания, привлечения внимания и финансового стимулирования местных компаний и т. д. (КЕА 2012, с.18)².

В современных условиях в нашей стране стала обсуждаться проблема возможности переноса столицы государств ближе к географическому центру России. «Столица России должна находиться в ее географическом

¹ Culture, cities and identity in Europe. Brussel. 2016. P. 27–28.

² Culture, cities and identity in Europe. Brussel. 2016. P. 28.

центре», – неоднократно заявляли политики и общественные деятели. В качестве примера успешного переноса столицы они приводят Казахстан. В этот раз идею перенести столицу из Москвы в Екатеринбург или Новосибирск выдвинул сенатор Совета Федерации от Республики Бурятия Арнольд Тулохонов. Он отметил: «Новосибирск, Екатеринбург – любой город. Нужно вынести столицу из Москвы. В Москве этого делать нельзя, она сама себя изживает. Столица должна быть в середине, чтобы было удобно не чиновникам, а населению. Сегодня 75 % перевозок осуществляется через Москву, и, чтобы из Якутска попасть в Читу, приходится ехать через Москву».

Член Совета Федерации ссылается при этом на тот факт, что основной фактор для переноса столицы – экономический. Согласно словам Тулохонова, стоит вопрос об угрозе сверхцентрализации. При этом он сослался на положительный пример Казахстана, где столица была перенесена из Алма-Аты в Астану.

Следует отметить, что к подобному предложению склоняются и представители российской бизнес-элиты. Владелец компании US Rusal Олег Дерипаска предложил перенести столицу в Сибирь. «Основное решение – двигать столицу в Сибирь. Москва – это излишняя централизация и коррупция», – заявил Дерипаска. Согласно его словам, подобное решение будет способствовать более полнокровной интеграции России с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В качестве места для новой столицы были предложены Красноярск и Иркутск.

Министр обороны РФ Сергей Шойгу в одном из своих интервью четко обозначил приоритет Сибири и Дальнего Востока как регионов, где могла бы расположиться новая российская столица.

В пользу подобного решения высказывались также представители региональных политических элит. В частности, мэр Томска Николай Николаичук отметил, что Томск находится недалеко от географического центра России: «Томск – уникальный город. И в масштабах Сибири, и в масштабах всей нашей страны. У нас есть возможности и желание бороться за статус российской столицы».

Не остались в стороне от обсуждения данного вопроса и лидеры партийных фракций в Государственной Думе Российской Федерации. Согласно законам жанра, первым «выстрелил» лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Согласно его утверждению, идеальным «первым городом» России мог бы стать Магадан. К тому же подобный шаг, по его мнению, усилит влияние России на Японию, Китай, Корею, Индонезию и Австралию. Жириновский отметил, что его несколько не пугает потенциальное отдаление новой столицы от Европы. Сославшись на данные исследователей, он заявил о том, что Европа стареет и к середине XXI в. превратится в «музей». Очевидно, что большинство тех, кто выступает за перенос столицы, выражают сомнение в том, что данное предложение будет поддержано

центральными властями. К тому же очевидно, столь грандиозный проект потребует колоссальных затрат.

По мнению же Михаила Делягина, директора российского Института проблем глобализации, при рассмотрении вопроса о переносе столицы России стоит говорить только о небольшом сибирском городке.

Подобные предложения можно рассматривать как начало изменения в подходах определенной части политической и экономической элиты страны в попытках перейти к реальной модернизации России. Ссылки в качестве примера на соседний Казахстан являются подтверждением достижимости, пусть в далекой перспективе, этой цели. Полагаем необходимым принять Государственную стратегию (программу мер) для достижения поставленной цели.

Сложные проблемы, связанные с такими явлениями, как модернизация, утрата языковой и культурной идентичности, углубление контрастов между сельской и городской цивилизацией, приобретают действительно всемирный характер.

Процессы глобализации приобретают всесторонний характер и охватывают все сферы жизни. Особенно болезненно они сказываются в этнической и языковой сфере. Естественно, что большинство указанных явлений приобрели необратимый характер в силу объективных законов развития природы и общества. На этом фоне вызывает интерес исследование активных усилий людей предотвратить негативные последствия своеобразного «вавилонского столпотворения» в расовой, национальной и языковой среде. Так, например, в августе 2014 г. британская газета «Индепендент» опубликовала статью под заголовком «Новый апартеид Америки. Процветающие белые кварталы предпочитают вырваться из негритянских городов». Автор подготовил материал о положении дел в южной глубинке США.

В южной части города Батон-Руж, испытывающим тяготы бедности, насилия и разрушающейся системы общественных школ, существует район, который, напротив, выглядит вполне благополучным на общем фоне. Сообщается, что жители этого района, которые составляют 25 % общей численности обитателей Батон-Руж, планируют образовать свой новый город. После нескольких месяцев борьбы они собрали 18 тысяч подписей, необходимых согласно законам штата, для проведения соответствующего голосования на следующих выборах в Луизиане. Представитель инициативного комитета Лионель Рейни заявил перед восторженной публикой: «Мы добьемся проведения голосования, мы победим и мы создадим наш новый город!»¹.

Автор статьи призывает подождать конечного результата. Он отмечает при этом, что городские власти всячески пытаются заблокировать

¹ The Independent. 2014. August, 27 th.

данное предложение. Обосновывают они свое решение прозаическими, политическими и даже моральными соображениями. Самое главное, все прекрасно понимают, что указанный потенциальный новый город будет самым богатым и самым «белым» по сравнению с другими частями Батон-Руж. В случае если возникнет подобный город (его сторонники подобрали ему даже название – Сент-Джордж), его белая часть населения составит 70 %. На данный момент в Батон-Руж проживают 55 % афроамериканцев и 40 % белых.

Однако противники подобного решения сразу же предъявили обвинения в расизме инициаторам указанного проекта. К тому же подобный шаг практически не поддержали представители местного бизнеса. Очевидно, что они опасаются проявить активную позицию в столь щекотливом вопросе.

Мистер Райни утверждает: «Весьма предсказуемая тактика воспринимать нас посредством стереотипа, согласно которому мы сторонники белых, расисты и даже сепаратисты. Когда нет аргументов для продолжения дискуссии, легче всего предъявить обвинения в расизме». Сторонники «отделения» исходят из того, что их, прежде всего, волнует судьба детей, которым необходимо дать более качественное и к тому же относительно безопасное образование. Только создав новый город, можно создать собственный школьный район.

«Многие утверждают, – сказала Эми Блисс, 36 лет, – что это касается взаимоотношений белых и афроамериканцев. Но это не так. У моих детей много друзей среди афроамериканцев. И меня сильно расстраивает, когда говорят о расовых разногласиях»¹. К тому же ее сын и дочь учатся в общественной школе. Однажды ее дочь подверглась нападению со стороны другого школьника. А сын Эми Блисс довольно часто, опасаясь неизбежных унижений в школьной столовой, простаивает в коридоре и ничего не ест. Чувство отчаяния среди родителей, подобно Эми Блисс и ее супругу Джошу, по проблемам общего состояния школ заставило их предпринять решительные действия, причем, как отмечается в статье, в условиях полнейшего гамбита. Как заявляют отчаявшиеся родители, пока еще ни один город, размером с Сент-Джордж, еще не отделился и не приобрел самостоятельный статус в современной истории Америки. Инициаторы проекта заявляют о том, что они построят собственные новые школы, найдут место для здания будущей городской администрации, где найдут работу всего лишь 10–15 чиновников, что составит крохотную часть от общей численности нынешней администрации города Батон-Руж.

За происходящими сражениями внимательно наблюдают жители других городов, для которых подобный разрыв с родным городом создаст удивительно волнующий прецедент для граждан, «стоящих на правильном

¹ The Independent. 2014. August, 27 th.

пути» и которые неизбежно попытаются последовать по уже проторенному пути. Неудивительно, что руководители городской администрации Батон-Руж предпринимают отчаянные шаги, чтобы сорвать данный процесс. В качестве примера газета ссылается на недавнюю экспроприацию земли под будущий торговый центр в экономически процветающем районе под названием «Рынок Луизианы». Данный район должен был войти в состав будущего города и являть собой значительную основу для налоговой базы для Сент-Джорджа.

«Это натуральный захват земли. Он напоминает события недавнего прошлого на Балканах, – заявил Райни, – и представляет собой полный абсурд». Он также подчеркнул, что потеря такого района, а также возможный захват городскими властями новых земель не смогут затормозить ход кампании. Один из инициаторов отделения отметил, что властные структуры должны быть благодарны будущему Сент-Джорджу. Его возникновение поможет резко нормализовать систему управления в меньших по численности районных школах. К тому же именно образование подобного города позволит приостановить массовый исход представителей среднего класса из Батон-Руж, что сегодня представляет главную проблему для городской администрации.

Похоже, что не действуют на Райни и на его сторонников обвинения в том, что они фактически поворачиваются спиной к пяти десятилетиям процессов расовой интеграции на Юге США. Он заявляет: «Я не жил в эпоху борьбы за гражданские права и последовавший период дегрегации. На мне нет багажа тех лет. Это было воистину ужасное время, но я не имею никакого отношения к нему. Что я могу сделать теперь – это работать для лучшего будущего».

Естественно, что у подобного проекта есть и противники. Так, например, Дерек Кристиан, владелец мастерской по покраске автомобилей, которая при любом стечении обстоятельств остается в пределах старой городской черты, не рассматривает происходящее сквозь призму расовой нетерпимости. Тем не менее он решительно выступает против развернувшейся кампании. Объясняет он свою позицию следующим образом: «Лучшее, что можно сегодня сотворить, – это сделать город лучше. Каждый раз, когда ты пытаешься разорвать связи с чем-то, тем самым ты ослабляешь это, в любом случае оно не становится сильнее. Я полагаю, что это будет разрушительным для обеих сторон. Если на той стороне так ненавидят наш город, почему они просто не покинут его и не поселятся в месте, более комфортабельном для них самих»¹.

25-летний Джошуа Фини, белый по цвету кожи, проживает в северной части города. Он высказывает свою точку зрения: «Полагаю, что это носит классовую природу. Никто не говорит прямо об этом, но сторонники

¹ The Independent. 2014. August, 27 th.

этой идеи не хотят, чтобы их дети в школе смешивались с выходцами из бедных семей. Сама по себе идея отделения ужасна, она не представляет такую очевидную необходимость и, главное, нет правовых оснований для раскола города».

На подобные заявления мистер Райни отвечает: «Мое сердце полно сочувствия многим, кто сегодня проживает в Батон-Руж, особенно к детям. Но рано или поздно, вы должны спросить себя: неужели необходимо просто дать затонуть кораблю? И когда в этой стране стало вдруг дурным тоном попытаться сделать что-то правильное?».

Автор публикации в «Индепендент» отмечает, что подобные попытки за предыдущие годы происходили в Джорджии, Алабаме, Техасе и Теннесси.

Так, в 2005 г. в Труссвилле, штат Алабама, зажиточный городской район, где проживали белые, отделился от школьной системы округа.

За последние годы два пригорода Бирмингема полностью вышли из системы административного управления округа. Маленький городок Гардендейл, штат Алабама, типичный для представителей среднего класса, в 2013 году проголосовал за отделение от школьного округа Джефферсон и затем самостоятельно поднял уровень налогов. 88 % жителей Гардендейла – белые, в то время как более 42 % жителей округа Джефферсон – афроамериканцы.

На осень 2015 г. было запланировано, что жители небольшого городка Пайк Роуд (6500 человек белого цвета кожи) в штате Алабаме откроют свою первую школу после разрыва с общественными школами округа Монтгомери, где 83 % из 32 тысяч обучающихся являются афроамериканцами или представителями испаноговорящего этноса.

В Атланте, штат Джорджия, новое деление районов было предложено властями Данвуди, которая представляла собой часть школьной системы округа Дэ-Калб. После 2005 г. 6 городских пригородов, преимущественно заселенных белыми, стали самостоятельными городами за пределами Атланты.

В 2012 г. жители Брукхейвена проголосовали за присоединение к своему городу части соседней местности, заселенной в основном белыми. Ранее новые горожане принадлежали территориально к округу Дэ-Калб, где проживало 55 % афроамериканцев.

Таким образом, происходит процесс расовой самоидентификации на Юге США, когда представители белого населения стремятся определить свой статус в условиях развития городских конгломератов. Подобное явление приобретает двоякое звучание в современных условиях. С одной стороны, это явно противоречит общим тенденциям глобализации, когда расовые особенности отдельных групп населения, казалось бы, должны уйти на второй план. С другой стороны, это часть американского государства приступила к своеобразному пересмотру итогов своей истории, говоря

конкретно, переосмыслению результатов гражданской войны и реконструкции.

Процессы, связанные с урбанизацией на постсоветском пространстве, следует рассматривать на общем фоне кардинальных изменений 1990-х и последующих десятилетий. Очевидно, что указанные факторы в значительной части являются результатом геополитической и геоэкономической катастрофы, которая произошла с распадом СССР. С развалом СССР, с отделением 14 союзных республик произошло разрушение и нарушение единства территориальной структуры, в которой свое место занимали ряд крупных регионов (Прибалтика, Украина, Белоруссия, Молдавия, Закавказье, Средняя Азия); разлад территориально-производственного комплекса страны, в котором действовали сложные системы разделения и кооперации производств, в том числе макрорегиональные; расстройство территориально-поселенческой структуры, сложившейся в Советском Союзе, с иерархией городских центров разного уровня (столица Союза, столицы республик, административные центры краев и областей и т. д. с соответствующей функциональной нагрузкой и местом в территориально-функциональных связях)¹.

С другой стороны, как побочный продукт деиндустриализации и как следствие разрушения единого народнохозяйственного комплекса СССР явился переход экономики в квазирыночный режим на основе приватизации, проведенной не для того чтобы «создать эффективного собственника», а как признавалось позднее – с политической целью «обеспечить необратимость перемен». В итоге произошел обвал многих, в том числе высокотехнологичных, отраслей, которые могли стать локомотивами нового витка модернизации. Обанкротились и предприятия с массовым производством, обеспечивавшим занятость во всех типах российских городов, включая моногорода.

Общую картину можно обозначить как урбанизационный застой с элементами дезурбанизации: за три десятилетия удельный вес городского населения не вырос, но колебался на уровне 73–74 %, многие малые и средние города теряли потенциал для развития, а с ним и население. Но процесс оказался более сложным, неоднозначным, разноректорным.

Обозначим здесь только одну из ряда, на первый взгляд, позитивных тенденций – рост преимущественно немногих крупных региональных полифункциональных центров. В действительности, эта тенденция означает стягивание в немногие точки людских, финансовых, материальных и прочих ресурсов со всего постсоветского пространства (не только РФ) в ущерб системе расселения и размещения производительных сил, причем как городов, так и сельской местности.

¹ Синявский А. С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные институциональные аспекты). – ВТЭ №1. – 2019. – С. 143.

Яркий пример – «раковая опухоль» столичного региона: стягивание функций и населения в Москву и Московскую область. Столица и столичный регион перетягивают на себя функции, особенно административные; сосредоточивают финансовые, товарные потоки, наиболее высокотехнологичные производства, высококвалифицированные кадры; как пылесос, втягивают в себя ресурсы, прежде всего финансовые, трудовые и т. д.; обеспечивают основной объем жилищного строительства, развития региональной инфраструктуры. Невозможность вместить в себя разрастающийся объем социальной материи и энергии в прежних границах привел к беспрецедентному увеличению административно-территориальных размеров города.

Журналисты Юлия Старостина, Антон Фейнберг обобщили данные, приведенные совсем недавно экспертами. По мнению специалистов, города-миллионники отстали от Москвы по уровню экономики на 100 лет. Они (эксперты) предложили следующие сценарии развития российских мегаполисов. Среднему городу-миллионнику потребуется 100 лет, чтобы догнать Москву по уровню душевого валового продукта, подсчитали в КБ «Стрелка». Крупным городам нужны инвестиции, их власти должны быть мотивированы на ускорение экономик.

Валовый городской продукт – это ценность, которая создается на территории города в течение заданного периода (года или квартала). Сумма всех ВГП и всего продукта, произведенного вне городской черты, составляет ВВП страны. «Если динамика развития российских городов, наблюдавшаяся в 2010–2017 годах, сохранится и дальше, то среднему нестоличному миллионнику потребуется примерно 100 лет, чтобы догнать Москву по уровню душевого валового продукта», – отмечают авторы исследования.

Всего в России 16 городов, имеющих свыше 1 млн жителей. По уровню ВГП российские региональные города-миллионники можно разделить на две группы:

1. Продвинутые города со средним темпом прироста ВГП в 2010–2017 гг. 1,4 %. Это Екатеринбург, Санкт-Петербург, Казань, Уфа, Самара и Краснодар. При ускорении собственной экономики до 5,9 % продвинутые города смогут достичь душевого уровня ВГП Москвы 2017 года через десять лет;

2. Отстающие города имеют средний темп прироста ВГП с 2010 г. по 2017 г. 0,2 %. Это Воронеж, Омск, Челябинск, Новосибирск, Волгоград, Ростов-на-Дону, Пермь, Красноярск и Нижний Новгород. Отстающим миллионникам потребуется в среднем 20 лет при годовом росте 5,4 %, чтобы догнать уровень экономики столицы 2017 года.

Российские города-миллионники в 2017 году обеспечивали 32,3 % ВВП страны. В этом вкладе мегаполисов, по расчетам центра городской экономики КБ «Стрелка», на Москву приходится 54,4 %, еще 15,1 % обес-

печивает Санкт-Петербург, а 30,5 % – на нестоличные города-миллионники. Валовый городской продукт Москвы в расчете на душу населения более чем в два раза превосходит аналогичный показатель нестоличных городов-миллионников (1,3 млн против 0,5 млн руб. в 2017 г. в текущих ценах).

Доходы бюджетов Москвы и Санкт-Петербурга в расчете на одного горожанина, согласно результатам исследования, оказались в разы выше, чем в других российских мегаполисах, – 169 тыс. руб. в Москве и 97 тыс. руб. в Санкт-Петербурге против 23 тыс. руб. в среднем в других городах-миллионниках, по данным на 2017 г. Одним из способов выравнивания уровня социально-экономического развития городов считается государственная поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП).

«Сегодня города-миллионники обеспечивают треть ВВП России, из чего на Москву приходится 54 % от общего вклада городов в экономику страны. Для того чтобы увеличить вклад городов-миллионников в ВВП страны, нужно поддерживать рост МСП, особенно в тех городах, где основа развития по-прежнему индустриальные гиганты, а также обеспечить приток инвестиций в наиболее перспективные отрасли и дать возможность в полной мере использовать создаваемую ими стоимость, и таким образом реализовывать свое право на развитие», – говорит генеральный директор КБ «Стрелка» Денис Леонтьев. «Нужно начать смотреть на города как на платформу для системных комплексных инвестиций. Эти меры позволят ускорить рост городской экономики в наших городах», – считает он.

Экономический кризис сильнее всего ударил по нестоличным городам-миллионникам. После роста в 2010–2014 гг. ВВП крупнейших городов (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) упал в расчете на душу населения значительно сильнее, чем ВВП России в целом, – на 5,1 против 2,8 %. В Москве же падение оказалось незначительным (на 1,8 %), а Санкт-Петербургу и вовсе удалось сохранить пусть небольшой (2,4 %), но рост экономики, указывают аналитики КБ «Стрелка».

Крупные российские города, за исключением Москвы, оказались в «ловушке среднего дохода», констатируют эксперты. Стадия активного роста за счет массового переселения сельских жителей в города и их приобщения к потребительской экономике уже пройдена. Исчерпав первичные ресурсы для роста экономики и достигнув определенного уровня благосостояния, российские города-миллионники пока не смогли выработать подходы для устойчивого роста, отмечают эксперты.

У российских миллионников сформировались собственные специализации – отрасли, где работает больше всего людей при высоком уровне производительности относительно других мегаполисов. Среди городов с высокой долей занятых в торговле – Краснодар и Екатеринбург, в обрабатывающей промышленности – Омск, Уфа и Казань. Высокой долей занятых и высокой производительностью в строительстве отличается Красно-

дар, в операциях с недвижимым имуществом – Краснодар, Самара, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск.

Необходимо сформировать стратегию инвестирования в российские города с учетом их отраслевой специализации, уверены исследователи. Ускорение динамики валового продукта напрямую зависит от темпов наращивания объема инвестиций. Доля инвестиций относительно ВВП в региональных миллионниках упала в среднем с 23,1 % в 2010–2014 гг. до 17,6 % в 2015–2017 гг. В Санкт-Петербурге соотношение инвестиций к ВВП снизилось с 17,6 % до 15,5 %.

Объем инвестиций на одного москвича в 2017 г. составил 162 тыс. руб., в Санкт-Петербурге – 127 тыс. руб., в прочих миллионниках – 94 тыс. руб. Таким образом, уровень инвестиций в нестоличных городах составляет 58 % от московского уровня.

В абсолютных значениях Москва привлекла около 2 трлн руб. в 2017 г., Санкт-Петербург – 0,67 трлн руб., а прочие миллионники – 1,6 трлн руб. Минимальный необходимый уровень инвестиций для устойчивого городского развития равен 25 % ВВП, отмечают эксперты. «Если же ориентироваться на национальные цели по соотношению инвестиций к ВВП в 25 %, то уровень инвестиций в нестоличных миллионниках должен составить 26,5–27 %, исходя из установившегося соотношения докризисного периода (2010–2014 годы)», говорится в исследовании.

Эксперты для сравнения приводят соответствующие показатели применительно к европейским странам. В Мадриде, Гамбурге и Штутгарте, к примеру, доля инвестиций к ВВП превосходит 20 %, а в устойчиво растущих городах Восточной и Центральной Европы (Краков, Братислава, Прага) этот показатель обычно превышает 25 %. Сравнение с динамично растущими городами развивающихся стран выглядит еще более удручающее, пишут эксперты. Например, в Дели показатель составляет 30 %, а в отдельных городах Китая, для которых доступна статистика (Чэнду), и во все 57 %. Еще один фактор, который может ускорить рост экономики городов, – создание мотивации для местных властей стимулировать этот рост. Сегодня темпы роста объема муниципальных бюджетов вдвое отстают от темпов роста ВВП. За семь лет российские города-миллионники (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) в среднем нарастили свой ВВП почти в два раза в номинальном выражении, но рост объемов городских бюджетов составил всего 49 % в номинальном выражении. Объем недофинансирования мегаполисов в России с 2010 г. по 2017 г. составил 510 млрд руб. (в среднем 5,2 млрд руб. в год для каждого города), оценивают в КБ «Стрелка»¹.

¹ Города-миллионники отстали от Москвы по уровню экономики на 100 лет Эксперты «Стрелки» предложили сценарии развития российских мегаполисов URL:http://www.rbc.ru/economics/27/05/2019/5ce7da9e9a79478bbfd21325?utm_source=yx-news&utm_medium=desktop (дата обращения: 27.05.2019)

Такие процессы влекут за собой, в том числе в длительной перспективе, негативные последствия как для самой Москвы (и региона), ухудшая экологию, комфортность среды обитания для жителей, транспортную доступность и потерю социального времени из-за гигантских расстояний, пробок и т. д., необходимость развивать и одновременно вкладывать огромные средства на развитие инфраструктуры и т. д. Еще более негативные последствия эти процессы имеют для всей России: обезлюдение пространств начиная от дальнего Подмосковья и до дальних окраин страны. Демографические последствия: иноэтничный, иноконфессиональный и инокультурный миграционный поток из ближнего и дальнего зарубежья, который столица не способна переварить, с целым комплексом проблем в перспективе¹.

Геоэкономический негатив: территориальное расслоение страны, опасный разрыв в экономическом уровне, качестве жизни населения, ухудшение стратегических условий для экономического развития большинства регионов, фрагментация единого экономического пространства страны. Геополитический негатив: чужеродная колонизация российских пространств («свято место пусто не бывает») с перспективой: раньше или позже «придут и возьмут» (исламская, китайская угроза и др.). Среди кумулятивного отсроченного эффекта – ослабление скреп российского государства (геополитических, геоэкономических, цивилизационно-социокультурных, этнических – подрыв жизненного потенциала имперского этноса, станового хребта российской государственности – русского народа, и не только его), рост центробежных тенденций с угрозой распада страны и др. Общий прогноз неутешителен: основная часть населения будет и дальше стягиваться в столичный регион и несколько мегаполисов с деградацией остального социального пространства по типу развивающихся стран. Но и этот прогноз усугубляется российской спецификой: нигде больше нет таких огромных, большей частью и без того малозаселенных территорий, которые к тому же расположены относительно недалеко от стран-соседей с бурно растущим населением. А природа не терпит пустоты... То есть речь идет не только о деградации социальных пространств, которые веками осваивали наши предки, но в перспективе и о судьбе российской государственности.

¹ Синявский А. С. Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные институциональные аспекты). – ВТЭ. – №1. – 2019. – С. 144.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных исследованиях прочное место занимает категория «урбанизационный процесс». Она подчеркивает динамику и историческую преемственность городского освоения пространства в рамках одного и того же социума или территории на протяжении длительного времени в соотношении урбанизации с историческим процессом. В сравнительном плане российский урбанизационный процесс следует воспринимать как единый на протяжении более тысячелетия существования самой российской цивилизации.

Так же определяются контуры урбанизационного процесса в отдельных странах Европы (например, западно-европейский). При этом указанный процесс может подразделяться на ряд качественно разных этапов, с иными механизмами градообразования и развития городов, урбанизации в целом. На первый план здесь выходит соотношение роли экономических и иных факторов.

Говоря о странах Западной Европы можно отметить тот факт, что организационно-технологические прорывы в производственном секторе экономики, а затем и промышленный переворот, в отличие от прежних времен, превратили экономику в доминирующий фактор градообразования и развития городов, а городскую экономику – в постепенно доминирующую в структуре всей экономики. Начавшись в Голландии и Англии (в контексте буржуазной трансформации), эти процессы стали распространяться и на другие страны. Естественно, что это и предопределило взрывной рост городов (их количества, размеров), численности и удельного веса горожан в составе населения, изменение структуры профессиональной занятости жителей, образа жизни и т. д.

При этом в самой экономике происходили качественные изменения: во второй половине XX в. она все более эволюционировала от экономики индустриального типа к многоотраслевой, выходящей далеко за рамки материального производства. Эти инновации и качественные трансформации происходят именно в городской экономике, которая затем (частично) ретранслирует изменения и достижения в аграрно-сельскую сферу. В развитых странах происходит урбанизация уже и сельской части поселенческой (и пространственно-экономической) структуры, преобразуемой (технологически, инфраструктурно и т. д.) и интегрируемой в единую сеть расселения.

На определенном этапе развития общества подобное накопление таких изменений порождает новое качество не только в развитии городов, но и общества в целом. Общество превращается (экономико-технологическая составляющая) из аграрного в индустриальное (а затем и постиндустриальное). А если смотреть на процесс шире, оно перерастает в городское общество, в котором не только большинство граждан проживает в городах,

но и вся общественная структура с ее институтами, занятостью населения и образом жизнедеятельности, типом социума, доминантной культурой, идеологическими характеристиками, политической организацией и т.д. становятся городскими. В городе и городом определяется не только вектор развития общества, страны (а затем и всемирные тренды), но и характер, темпы общечеловеческого прогресса (как и регрессивные явления в ряде областей человеческой деятельности и регионов мира). Причем темп преобразований нарастает, и в последние три-четыре десятилетия некоторые еще недавно отсталые аграрные страны вырываются в лидеры экономического роста и в высокоурбанизированные сообщества. В общем контексте развития истории переход от преимущественно аграрного (по доминированию экономических функций) и сельского (по преобладанию населения и типов поселений) общества к городскому и получил название «урбанизационного перехода».

Россия также прошла по пути, характерному для большинства стран Западной Европы. Вместе с тем необходимо подчеркнуть тот факт, что до второй половины XIX в. она продолжала оставаться по преимуществу сельскохозяйственной державой. К середине XX столетия она уже превратилась в одну из двух крупнейших держав мира. Подобный рост не мог не привести к негативным последствиям. Достаточно напомнить о 1961 г., который для всех служит напоминанием о полете Ю. Гагарина в космос. Так получилось, что год торжества советской науки и техники, одновременно напоминает о другом событии, предопределившем ход российской истории. Именно в 1961 г. сельское и городское население в СССР достигло численного паритета. Начался «обратный отсчет» для сельской цивилизации в нашей стране.

Предметом нашего исследования не стали проблемы массового развития городской субкультуры, распространения маргинальных социокультурных, а также поведенческих установок у значительной части населения страны. К сожалению практика последних десятилетий свела к значительному сворачиванию социальной, экономической, а главное, финансовой составляющей развития потенциала большинства регионов. Оказались забыты малые и средние города Российской Федерации. В этом плане следует извлечь уроки прошлого, которые напоминают о том, что только гармоничное развитие всех регионов страны позволит добиться полноценного вхождения России в такой темп, при котором наша страна будет неотступно следовать по пути цивилизационного развития, не отставая от темпов модернизации в мировом сообществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты

1. **Республика Башкортостан. Законы.** Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Республики Башкортостан : Закон Республики Башкортостан № 224-з [принят 7 ноября 2005 г.]. – Текст : электронный // Портал документов справочно-правовой системы «ГАРАНТ». – URL: <http://base.garant.ru/17759882> (дата обращения: 03.03.2019).

2. **Российская Федерация. Постановления.** О создании территории опережающего социально-экономического развития «Белорецк» : Постановление Правительства РФ № 121 [принято 12 февраля 2019 г.]. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/35740/> (дата обращения: 28.02.2019)

3. **Российская Федерация. Постановления Правительства.** О создании территории опережающего социально-экономического развития «Благовещенск» : Постановление Правительства РФ № 127 [принято 12 февраля 2019 г.]. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/35746/> (дата обращения: 28.02.2019).

4. **Российская Федерация. Постановления Правительства.** О создании территории опережающего социально-экономического развития «Нефтекамск» : Постановление Правительства РФ № 129 [принято 12 февраля 2019 г.]. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/35748/> (дата обращения: 28.02.2019).

5. Об утверждении перечня исторических поселений : Приказ Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ № 418/339 [принят 29 июля 2010 г.]. – Текст : электронный // Портал документов справочно-правовой системы «ГАРАНТ». – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99389/> (дата обращения: 30.03.2019)

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1398-р [принято 29 июля 2014 г.]. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/14051/> (дата обращения: 27.02.2019).

7. Об утверждении Порядка включения населенного пункта в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения его предмета охраны и границ территории : Приказ Министерства культуры РФ № 534 [принят 27 марта 2014 г.]. – Текст : электронный // Портал документов справочно-правовой системы «ГАРАНТ». – URL:

<http://base.garant.ru/70669502/c7ccd487bb39db5ce63d95c8bfc11002> (дата обращения: 27.02.2019).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. **Агафонова, М.С.** Проблемы развития малых городов в России / М. С. Агафонова, О. В. Корольчук. – Текст : электронный // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – № 7-2. – С. 125. – URL: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=34410> (дата обращения: 24.02.2019).

2. Администрация ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан : официальный сайт – URL: http://www.mezhgorie.ru/?part_id=122,1719 (дата обращения 02.03.2019) – Текст : электронный.

3. **Азнабаев, Б. А.** Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства : (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) : монография / Б. А. Азнабаев ; Федеральное агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования, Башкирский государственный университет. – Уфа: БашГУ, 2005. – 228 с. – Текст : непосредственный.

4. **Андрианов, С. А.** Министерство внутренних дел : исторический очерк : [1802–1902] / С. А. Андрианов – Санкт–Петербург : тип. М-ва вн. дел, 1902. – [5], 225 с. – Текст : непосредственный.

5. Археологическая карта Башкирии / Б. Б. Агеев, С. М. Васюткин, И. Б. Васильев и др. ; Редкол.: О. Н. Бадер (отв. ред.) [и др.] ; АН СССР, Башк. филиал, Ин-т истории, яз. и литературы [и др.]. – Москва : Наука, 1976. – 263 с. – Текст. Изображение : непосредственные.

6. Башкирская энциклопедия : [в 7 томах]. Т. 6. Советы народного хозяйства – У / гл. ред. М.А. Ильгамов. – Уфа : Башк. энцикл., 2010. – 544 с. – Текст : непосредственный.

7. **Бегеулов, Р. М.** Центральный Кавказ в XVII – первой четверти XIX века: очерки этнополитической истории / Р. М. Бегеулов ; М-во образования и науки Российской Федерации, Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У. Д. Алиева. – 2-е изд., испр. – Карачаевск : КЧГУ, 2009. – 240 с. – Текст : непосредственный.

8. **Бенедиктов, И. А.** О Сталине и Хрущеве (интервью корреспонденту Гостелерадио В. Аитову) / И. А. Бенедиктов. – Текст : электронный // Молодая гвардия. – 1989. – № 4. – С. 42–43. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/benediktov-ivan-aleksandrovich/ryadom-so-stalinim/2> (дата обращения: 11.03.2019).

9. **Брун, Ф. К.** Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского университета. – 1873. – Т. 9. – 34 с. – URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01007884997> (дата обращения: 11.04.2019).

10. **Буканова, Р. Г.** Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. : монография / Р. Г. Буканова – Уфа: Китап, 2010. – 261 с. – Текст : непосредственный.

11. **Буканова, Р. Г.** Города-крепости юго-востока России в XVIII в. История становления городов на территории Башкирии: монография / Р. Г. Буканова – Уфа: Китап, 1997. – 256 с. – Текст : непосредственный.

12. **Буканова, Р. Г.** Один из башкирских городов золотоордынского периода в описании миссионера Иоганки / Р. Г. Буканова. – Текст : непосредственный // Проблемы востоковедения. – 2010. – № 3 (49). – С. 13–15.

13. **Буканова, Р. Г.** Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. / Р. Г. Буканова, Д. С. Кидирниязов. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2016. – № 4 (33). – С. 46–53.

14. **Буканова, Р. Г.** Русский город XVI–XVII вв. в иноязычной среде: параллельные миры или начало социокультурной модернизации Урала? / Р. Г. Буканова. – Текст : непосредственный // Сборник научных статей «Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв.», 15 ноября 2013 г. ; под 2-ой редакцией В. В. Алексева. – Екатеринбург : ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН: ООО «УИПЦ», 2013. – С. 282–284.

15. **Буканова, Р. Г.** Реформирование системы административного управления Башкирией в XVIII веке (Уфа) / Р. Г. Буканова. – Текст : непосредственный // Материалы X Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права и государства в XXI веке» : 19–20 апреля 2018 г. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России ; под общ. ред. А.С. Ханахмедова, 2018. – С. 100–104.

16. **Валишевский, К.** Петр Великий / К. Валишевский. – Москва: «Икпа», 1990. – 411 с. – Текст : непосредственный.

17. **Вебер, М.** История хозяйства : Город / Макс Вебер. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 574 с. – Текст : непосредственный.

18. **Вернадский, В. И.** Научная мысль как планетарное явление / В. И. Вернадский. – Москва: АСТ, 1991. – 271 с. – Текст : непосредственный.

19. Малые города России – Текст : электронный. – URL: http://geolike.ru/page/gl_3440.htm (дата обращения 27.02.2019).

20. **Галин Р. А.** Население Республики Башкортостана: динамика и особенности формирования / Галин Р.А., Галина Л.Л.– Уфа: Китап, 1996. – 53 с. – Текст : непосредственный.

21. **Гальцева, Р. И.** Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры / Р. И. Гальцева. – Москва Политиздат, 1991. – 366 с. – Текст : непосредственный.

22. **Гончарук, Д.** Рыбаков предложил разработать критерии присвоения статуса историческим поселениям, Москва. – Текст : непосредственный // Парламентская газета. 2019. – 12 сентября.

23. Город и деревня в Европейской России : Сто лет перемен : Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского : [Моногр. сб.] / Ин-т географии Рос. акад. наук ; ред.-сост.: Т. Нефедова [и др.]. – М. : ОГИ, 2001. – 557 с. – Текст : непосредственный.

24. **Денисламов, Т. Г.** Город как объект управления в РСФСР в 1970–1980 гг.). / Т. Г. Денисламов. – Текст : непосредственный // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.) : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием ; под ред. Е. В. Годовой, С. В. Любичанковского. Оренбург, 2012. – С. 280–289.

25. **Егоров, В. Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров ; отв. ред. В. И. Буганов. – Москва : Наука, 1985. – 245 с. – Текст : непосредственный.

26. **Зорин, П. Н.** Города и посады дореволюционного Поволжья : Историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в. / А. Н. Зорин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 703 с. – Текст : непосредственный.

27. История Уфы : Краткий очерк / под ред. Р. Г. Ганеева (отв. ред.) [и др.]. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1976. – 598 с. – Текст : непосредственный.

28. Исторические города России: сохранение и развитие. Аналитический доклад / ред. В. Д. Кривов. – Москва : Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2011. – 124 с. – Текст : непосредственный.

29. **Каженова, Г. Т.** История взаимоотношений казахов и сибирских казаков Степного края (XIX – начало XX веков). Учебное пособие для студентов исторических специальностей. / Г. Т. Каженова. – Кокшетау: КГУ им. Ш. Уалиханова, 2009. – 220 с. – Текст : непосредственный.

30. **Кидирниязов, Д. С.** Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. / Д. С. Кидирниязов ; Федеральное государственное бюджетное учреждение Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2013. – 456 с. – Текст : непосредственный.

31. **Костомаров, Н. И.** Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров ; [Авт. предисл. В. Л. Янин]. – [Репринт. воспроизведение изд. 1873–1888 гг.]. – Москва : Книга, 1990 – 27см. – Текст : непосредственный.

32. **Кызласов, Л. Р.** Письменные известия о древних городах Сибири : Спецкурс / Л. Р. Кызласов; МГУ им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 132 с. – Текст : непосредственный.

33. **Любавский, М. К.** Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / М. К. Любавский; отв. ред. А. Я. Дегтярев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 682 с. – Текст : непосредственный.

34. **Мажитов, Н. А.** Средневековый город Башкорт / Н. А. Мажитов, Ф. А. Сунгатов, А. Н. Султанова. – Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2007. – Т. 12, № 3. – С. 39–44.

35. **Мазаев А. Г.** Роль процесса градообразования в развитии национальной системы расселения Российской Федерации / А. Г. Мазаев. – Текст : непосредственный // Академический вестник УралНИИпроект РАН. – 2017. – № 4. – С. 19–23.

36. **Матвеева Л. Д.** Исторические города Башкортостана как важный туристический ресурс / Л. Д. Матвеева, Т. П., Котова, А. И. Лебедев – Текст : непосредственный // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 81–91.

37. Народное хозяйство СССР в 1960 г. : Статистический сборник / Под ред. : В. Н. Демина, О. К. Макарова. – М.: Госстатиздат СССР, 1961. – 456 с. – Текст : непосредственный.

38. Народное хозяйство СССР в 1965 г.: Статистический ежегодник. Москва : Политиздат, 1966. – 909 с. – Текст : непосредственный.

39. Население СССР : Справочник / [Волков А. Г., Дмитриева Р. М., Зайончковская Ж. А. [и др.]; под общ. ред. Л. М. Володарского]. – Москва : Политиздат, 1983. – 191 с. – Текст : непосредственный.

40. **Оборин, В. А.** Некоторые особенности формирования и развития городов на окраинах Русского государства в XV–XVII вв. (на примере Урала) / В. А. Оборин. – Текст : непосредственный // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. – 1978. – С. 126–130.

41. Администрация ЗАТО Межгорье Республики Башкортостан : официальный сайт – URL: http://www.mezhgorie.ru/?part_id=122,1719 (дата обращения 02.03.2019) – Текст : электронный.

42. **Попов В. П.** Второй и важнейший этап: (об укрупнении колхозов в 50–е – нач. 60–х годов) / В. П. Попов. – Текст : непосредственный // Отечественные архивы. – 1994. – № 1. – С. 35–38.

43. **Псянчин, А. В.** Альбом карт / А. В. Псянчин; Рос. акад. наук. Уф. науч. центр. Центр экон. исслед., Акад. наук Респ. Башкортостан // Башкортостан на старых картах = Bashkortostan on the old maps : История географ. изучения и картографирования. – Уфа : Гилем, 2001. – 161 с. – Текст : непосредственный

44. **Пыжиков, А.** Хрущевская «оттепель», [1953-1964] / Александр Пыжиков. – М. : ОЛМА-Пресс, 2002. – 509 с. – Текст : непосредственный.

45. **Растяников В. Г.** Особенности экономического роста в аграрном секторе России, 30–90-е годы XX в. / Растяников В. Г. – Текст : непосредственный // Вопросы статистики. – 2002. – № 8. – С. 45–49.

46. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютиз-

ма / Отв. ред. А. Г. Маньков. – М. : Юрид. лит., 1986. – 511 с. – Текст : непосредственный.

47. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. Е. И. Индова. – М. : Юрид. лит., 1987. – 527 с. – Текст : непосредственный.

48. **Рычков, П. И.** История Оренбургская (1730–1750) / П. И. Рычков ; под ред. и с примеч. Н. М. Гутьяра секретаря ком. – Оренбург : Оренбургский губ. стат. ком., 1896. – 93 с. – Текст : непосредственный.

49. **Самоквасов, Д. Я.** Древние города России : Ист.-юрид. исслед. Д. Я. Самоквасова. – Санкт-Петербург : тип. К. Замысловского, 1873. – 166 с. – Текст : непосредственный.

50. **Семенов, А. К.** Самоуправление в городах центрального Черноземья в конце XVIII – начале XIX в. / А. К. Семенов, Н. А. Сулова. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2011. – №1. – С. 150–154.

51. **Сенявский, А. С.** Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. – Москва : Наука, 2003. – 285 с. – Текст : непосредственный.

52. **Сенявский, А. С.** Экономические основы российского урбанизационного процесса: теоретический анализ (структурные институциональные аспекты) / А. С. Сенявский. – Текст : непосредственный // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – № 1. – С. 133–145.

53. **Соловьев, С. М.** Сочинения : В 18 кн. / С. М. Соловьев Кн. 6: История России с древнейших времен : Т. 11–12 ; отв. ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – Москва : Мысль, 1991. – 671 с. – Текст : непосредственный.

54. **Толочко, П. П.** Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1989. – 254 с. : ил.; 22 см.; ISBN 5-12-000693-0. – Текст : непосредственный.

55. **Трепавлов, В. В.** История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов; Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – Москва : Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 751 с. – Текст : непосредственный.

56. **Троицкий, С. М.** Русский абсолютизм и дворянство XVIII / С. М. Троицкий. – Москва : Наука, 1974. – 400 с. – Текст : непосредственный.

57. **Фроянов, И. Я.** Города-государства Древней Руси / Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1988. – 272 с. – Текст : непосредственный.

58. **Чекалин, В. С.** Экономика городского хозяйства. Учебное пособие / В. С. Чекалин – СПб.: СПбГИЭУ, 2003. – 164 с. – Текст : непосредственный.

59. **Шпенглер, О.** Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории : [В 2 т.] / Освальд Шпенглер ; пер. [с нем., вступ. ст. и примеч.] И. И. Маханькова. – М. : Айрис-пресс, 2003 (ОАО Можайский полигр.

комб.). – (Библиотека истории и культуры). Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 2003. – 611 с. – Текст : непосредственный.

60. **Щеглов, И. В.** Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов; [Вступ. ст. А. А. Преображенского]. – Сургут : Акционер. информ.-изд. концерн «Сев. Дом», 1993. – 461 с. – Текст : непосредственный.

61. **Шаяхметова, И. З.** Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870–1991 гг. / И. З. Шаяхметова; Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – 162 с. – Текст : непосредственный.

Научное издание

Буканова Роза Гафаровна
Султанов Ахсан Харисович
Ямалетдинова Наталья Владимировна

**ГОРОД В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Монография

Редактор Т. И. Матвеева

Подписано в печать	09. 09.2019 г.	
Гарнитура Times		Формат 60x84 1/16
Уч.-изд. л. 5,8	Заявка № 37	Усл. печ. л. 6
Тираж 50 экз.		

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.*